

Уильям Гибсон. Двое на качелях**ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.****Картина первая.**

Обе комнаты.

Ранние сентябрьские сумерки. В раскрытые окна обеих комнат доносится уличный шум. Комната Гитель пуста. Джерри в своей комнате сидит на кушетке с

сигаретой во рту и водит пальцем по странице телефонной книги, лежащей на полу возле его ног. Джерри лет тридцать с небольшим; он очень высокого роста с привлекательной внешностью. В нем чувствуется скрытая грусть, а под ней - еще глубже запрятанное озлобление. Одет он скромно, даже небрежно, но в этой убогой обстановке его костюм кажется почти изысканным. Постель на кушетке не убрана, на табуретке стоит пишущая машинка, сверху брошена какая-то одежда, на давно не метеном полу валяется элегантный раскрытый чемодан, в углах, у плинтусов, - скопление мусора и паутины.

Найдя в книге нужный номер, Джерри набирает его. В комнате Гитель звонит телефон. После четвертого звонка Джерри кладет трубку. Одновременно в комнате Гитель слышно, как в замке поворачивается ключ. Вбегает Гитель с продуктовой сумкой в руке, бросается к телефону, хватая трубку.

ГИТЕЛЬ (запыхавшись): Да, алло! (пауза) А, черт! (кладет трубку)

Гитель смугла и худа, сколько ей лет, определить трудно. Ее, пожалуй, не назовешь хорошенькой - у нее слишком своеобразная внешность. Она нервна, грубовата, но с особым обаянием, которым она обязана своей неистребимой веселой энергии. На ней туфли без каблучков, широкая пестротканная юбка, свитер, и все это не к лицу и сидит как-то нескладно. Ее движения порывисты и напряженно суетливы, как у птицы на земле. Гитель и Джерри, каждый у себя, занимаются своими делами. Джерри, поставив чемодан на кушетку, вынимает одежду, - отличную куртку, отличный костюм, отличное пальто - и развешивает на вешалке - круглой палке, укрепленной поперек угла. Когда он ставит под вешалку ботинки, один конец палки соскальзывает с подпорки и все вещи валятся ему на голову.

ДЖЕРРИ: У, с-собака! *(сбрасывает все на пол и идет в кухню, откуда приносит деревянный брусочек, молоток и гвозди. Кое-как прибывает брусочек и, водрузив палку на место, начинает снова развешивать вещи - на этот раз палка держится.)*

Тем временем Гитель с продуктовой сумкой идет на кухню, по пути останавливается перед манекеном и критически оглядывает наколотый на нем кричаще яркий лиф. Несколько секунд стоит неподвижно, потом свободной рукой откалывает ворот и прикрепляет его по-новому. Отступив назад, смотрит на свою работу, на лице ее отвращение.

ГИТЕЛЬ: Мерзость какая! *(Швыряет булавки на пол и идет в кухню; видно, как она выливает молоко в кастрюльку и ставит на газовую плиту. Остальные покупки кладет на полку и в холодильник.)*

Джерри, покончив с вешалкой, в раздумье глядит на телефон, потом

садится на кушетку и, посмотрев в телефонную книгу, набирает номер. В комнате Гитель звонит телефон.

ГИТЕЛЬ (*подбегает к телефону после второго звонка, когда Джерри уже собирается положить трубку*): **Да, алло?**

ДЖЕРРИ (*тон его изысканно вежлив, но, совершенно независимо от того, что он говорит, в нем сквозит бесстрастная ирония*): **Гитель Моска, пожалуйста.**

ГИТЕЛЬ: **Я слушаю. Кто это?**

ДЖЕРРИ: **Это Джерри Райан. Я видел вас в числе пока еще не опознанных личностей вчера у Оскара. Мы с ним из одного города, когда-то встречались, хотя нельзя сказать, чтоб были на короткой ноге...**

ГИТЕЛЬ: **Да-да?**

ДЖЕРРИ: **...наверное, потому, что я чересчур длинноногий. Рост - сто восемьдесят семь сантиметров. (*выждав, добавляет для уточнения*) И рыжая борода...**

ГИТЕЛЬ: **А, вы тот самый в берете, который весь вечер молчал!**

ДЖЕРРИ: **Я не нашел в магазинах берета, который умел бы рассказывать анекдоты. Вчера я случайно услышал, что вы хотите продать холодильник, может, я зайду посмотреть?!**

ГИТЕЛЬ: **На холодильник?**

ДЖЕРРИ: **Для начала, хотя бы на него.**

ГИТЕЛЬ: **Но это не холодильник, это ледник, просто ящик для льда.**

ДЖЕРРИ: **Тем лучше. Экономия электричества - прекрасный образец американской практичности. Я могу быть у вас через...**

ГИТЕЛЬ: **Так ведь я его уже отдала!**

ДЖЕРРИ (*после паузы; эта неожиданность опрокинула его планы*): **Вот как! Не очень любезно с вашей стороны.**

ГИТЕЛЬ: **Я только что помогла какому-то малому отнести его домой. Понятия не имею, кто он такой. Его послала Софи, и я отдала даром, лишь бы избавиться от этого дурацкого ящика. Почему вы мне вчера ничего не сказали?**

ДЖЕРРИ: **Вчера я решил, что в этой жизни мне больше нечего делать.**

ГИТЕЛЬ: **Что-что?**

ДЖЕРРИ: **А сегодня я передумал и начинаю новую жизнь. Одним словом, сегодня великий день. Для начала решил заглянуть к вам.**

ГИТЕЛЬ: **Что же делать, когда я его уже отдала...**

ДЖЕРРИ: **Понятно.**

Пауза. Оба ждут.

Да. Ну спасибо, простите.

ГИТЕЛЬ: **Пожалуйста, но...**

Джерри кладет трубку.

Фу, черт! (тоже кладет трубку)

Джерри сидит в мрачном раздумье, потом вытаскивает пачку сигарет, но она пуста. Идет к окну, чтобы выбросить ее, по пути ушибает ногу о кушетку и злобно пинает ее ногой; кушетка стучается о стенку. Палка, на которой висит одежда, соскакивает с подпорки и все валится на пол.

ДЖЕРРИ: Ух, собака! (хватает палку, хочет сломать ее о колено, палка только гнется и, выскользнув из рук, одним концом стучает его по голове. Опять хватается палку, опять пытается сломать ее, но не может, бросает на пол и, нечаянно наступив на конец палки, задевает за нее другой ногой и чуть не падает. Борясь с палкой, мечется по комнате, не зная, как от нее избавиться, и ярость его смешна, но вдруг он с размаху бьет кулаком в оконное стекло. Это уже не смешно - стекло разлетается вдребезги. Останавливается и угрюмо созерцает свой кулак, свою комнату, свое внутреннее состояние. Медленно отойдя от окна, спотыкается о стоящий на полу телефон. Задумчиво поглядев на него, берет его в руки и набирает номер)

Гитель начинает снимать туфли. Но в это время на кухне перекипает молоко. Она вскакивает и бежит в кухню, но на полпути ее останавливает звонок телефона.

ГИТЕЛЬ: С ума сойти! (не знает, что делать, затем бросается к телефону и берет трубку) Подождите, у меня там кипит! (мчится в кухню, выключает газ и возвращается) Молоко сбежало, всю плиту залило, проклятое. Да, алло!

Гитель сидит, закрыв глаза и прижав трубку ко лбу.

Алло!

Гитель прикладывает трубку к уху.

Алло, есть там кто-нибудь?

ДЖЕРРИ: Нет.

ГИТЕЛЬ: А?..

Джерри кладет трубку.

Эй! (смотрит на трубку, потом кладет ее и, с досадой махнув рукой, идет в кухню. Разбавляет горячее молоко в кастрюльке холодным из бутылки; остановившись на пороге, отпивает глоток-два и вдруг бежит к телефону)

ДЖЕРРИ (шагает по комнате; заметив кровь на пальцах, обматывает руку носовым платком; он полон ненависти к себе): Ну, червяк с разбитым сердцем, начинай же новую жизнь, борись за себя! (оглядывает голую комнату и язвительно отвечает себе) А с чего ее начинать и с чем бороться? С воскресными приложениями газеты "Нью-Йорк таймс". (сталкивает с кушетки чемодан, ложится на живот и одну за другой начинает вытаскивать из-под кушетки скопившиеся там газеты, отшвыривая их в сторону)

ГИТЕЛЬ (говорит по телефону): Софи? Оскар дома?.. Слушай, этот его вчерашний приятель, длинный, в берете... какой номер его телефона?.. Слушай, деточка, не знаю, в каком месте ты держишь свои мозги, но все-таки попробуй ими шевельнуть, ведь, наверно, у Оскара где-то записано!..

ДЖЕРРИ (его ноги свисают с кушетки, он подтягивается вперед и стучается головой об стенку. Встает и уныло разглядывает кушетку): Если человек длиннее кушетки, надо сменить человека. (приставляет к кушетке чемодан и, снова улегшись, вытаскивает последние газетные листы)

ГИТЕЛЬ (записывая): Шестьдесят девять... Что?.. Да-да-да, страшно интересно, прощай. (не кладя трубку, нажимает на рычажок и сейчас же набирает номер)

В комнате Джерри звонит телефон.

ДЖЕРРИ (поднимает голову, недоверчиво смотрит на аппарат, и, только дождавшись второго звонка, берет трубку; осторожно): Да?

ГИТЕЛЬ (быстро и чуточку нервно): Слушайте, я тут думала насчет этого ледника. Пожалуй, можно сделать вот что: я пойду с вами к этому малому, он живет тут поблизости, если вы предложите ему доллар или два, он наверняка с удовольствием его отдаст, а стоит эта штука добрых пять...

Джерри, опершись на локоть, задумчиво слушает ее.

Алло, вы слушаете? Пойдете со мной?

ДЖЕРРИ: Пока не знаю, с вами или против вас. Меня в телефонной книжке нет, как вы узнали мой номер?

ГИТЕЛЬ: Спросила у Софи. Так вот, насчет ледника - я ведь отдала его даром. Тому балбесу, конечно, просто повезло, но все-таки, наверное, надо ему дать сколько-нибудь за беспокойство, если у вас есть такая возможность. Как вы думаете?

ДЖЕРРИ: Я думаю, вы не стали бы звонить мне из-за ледника, который не поленились тащить на себе по улице, лишь бы от него избавиться.

ГИТЕЛЬ: Что вы хотите сказать?

ДЖЕРРИ: Вы звоните либо потому, что вам, как и мне, абсолютно нечего делать, либо потому, что вам показа...

ГИТЕЛЬ (возмущенно): У меня одиннадцать разных дел!

ДЖЕРРИ: И все ненужные, раз вы их не делаете. Либо потому, что вам показалось, будто это я звонил и не ответил.

ГИТЕЛЬ (растерявшись): А... разве это были не вы?

ДЖЕРРИ: Кто бы это ни был, у него вероятно имелись свои причины. Вопрос в том, какие причины у вас. Если человек звонит и говорит, что это звонит не он, то девушка, которая тут же звонит ему, должно быть либо очень одинока, либо добрая душа, отзывчива или просто не в меру любопытна, хороший товарищ или надоедливая зануда...

ГИТЕЛЬ: Слушайте, неужели я ошиблась номером?...

ДЖЕРРИ: ...и мне хочется выяснить, что же вы такое.

ГИТЕЛЬ: Это вы звонили насчет холодильника или нет?

ДЖЕРРИ: Нет.

Гитель бросает трубку, рвет на клочки бумажку, где записан номер телефона и швыряет их в корзинку. Джерри несколько ошарашен, но ситуация кажется ему забавной; он щелкает рычажком и снова набирает номер. В комнате Гитель звонит телефон.

ГИТЕЛЬ (берет трубку): Да, алло!

ДЖЕРРИ (почти насмешливо): Я сказал, что не звонил насчет холодильника.

ГИТЕЛЬ (сердито): Что-о?

ДЖЕРРИ: Могло показаться, что это так, на самом деле ничего подобного.

ГИТЕЛЬ: Погодите, давайте все-таки разберемся. Вы позвонили...

ДЖЕРРИ: Я позвонил потому, что единственный женский голос, который я слышу в телефоне, - это голос, сообщающий точное время, и я в конце концов могу спятить от одиночества. Я позвонил, чтобы, так сказать, завязать знакомство...

ГИТЕЛЬ: О!..

ДЖЕРРИ: ...с каким-нибудь слабым существом слабого пола.

ГИТЕЛЬ (помолчав): Я и есть слабое существо.

Джерри обдумывает ее ответ.

Ну, завязывайте!

ДЖЕРРИ: Я позвонил, чтобы пригласить вас пообедать. И пойти в театр.

ГИТЕЛЬ: Что же вы не пригласили?

ДЖЕРРИ: Боялся, что вы скажете "да" или "нет".

ГИТЕЛЬ: Ну, не обязательно... Я бы, наверное, сказала "охотно".

ДЖЕРРИ: Теперь вы меня поняли? Так в какой же театр мы пойдем? Сегодня воскресенье, надо посмотреть, что идет в...

ГИТЕЛЬ: Знаете, я уже не уверена, что мне этого хочется.

ДЖЕРРИ: Почему?

ГИТЕЛЬ: Не знаю, стоит ли вообще... Все это как-то чересчур сложно.

ДЖЕРРИ: Да почему? Человек звонит, чтобы с помощью холодильника пригласить вас пообедать, вы говорите, что холодильника уже нет, человек ждет, что пригласите его зайти и без холодильника, вас же ничто, кроме холодильника не интересует, затем вы сами звоните ему, чтобы он опять с помощью холодильника предложил вам встретиться, он проявляет интерес к вашей личности, а не к холодильнику, вы же настолько поглощены своим холодильником, что бросаете трубку. Что же тут сложного?

ГИТЕЛЬ (после паузы): Слушайте, что у вас за цель?

ДЖЕРРИ (злобно и холодно): Я живу бесцельно. А вы?

ГИТЕЛЬ: Понимаете, вы же мужчина. А я как-никак дама, верно? Хотите позвать меня обедать - так и скажите, а нет - так нет. Решайтесь же наконец. А уж тогда я и буду решать, как мне быть.

ДЖЕРРИ: Дело в том, что я сижу тут уже целый месяц и не могу решиться.

ГИТЕЛЬ: Пригласить меня пообедать?

ДЖЕРРИ: Оторваться от листа клейкой бумаги. Начинать надо с этого. (пауза) Но если ты однажды сломал себе ногу в пяти местах, то уже боишься ступить на нее.

ГИТЕЛЬ: О!..

ДЖЕРРИ: Сегодня единственный вечер в году, когда мне не хочется обедать в одиночестве. (опять пауза) Я повесил трубку потому, что просто не в силах упрашивать. Помогите мне!

ГИТЕЛЬ: Ну... ладно. Где мы с вами встретимся?

ДЖЕРРИ: Как до вас доехать?

ГИТЕЛЬ: На метро до второй Авеню.

ДЖЕРРИ: Я буду там через полчаса.

ГИТЕЛЬ: Погодите, может, вам это все-таки трудно? Она вас совсем не беспокоит?

ДЖЕРРИ: Кто?

ГИТЕЛЬ: Нога.

ДЖЕРРИ: Какая нога? О!.. (невозмутимым тоном) Не знаю, кажется, она дала осложнение на психику. Пока. (кладет трубку и ставит телефон на кушетку)

Гитель, широко раскрыв глаза, пожимает плечами. Взглянув на стоящий на ночном столике будильник, торопливо кладет трубку и выбегает в переднюю, где, очевидно, стоит ванна - слышно, как полилась вода.

Немного повеселевший Джерри берет в охапку упавшую одежду и сваливает на кушетку; почистив рукой пиджак, надевает его. В это время звонит телефон.

ДЖЕРРИ (берет трубку; думая, что это Гитель, сухо): Не беспокойтесь, я еще в своем уме... (лицо его вдруг становится настороженным) Да, это Райан... (крепко стискивает губы. Через секунду) Кто вызывает из Омахи? (внезапно кладет трубку, но не снимает с нее руки, пока снова не раздастся звонок. Тогда он медленно надевает берет и выходит из комнаты. По пути тушит свет в кухне и уходит, хлопнув дверью)

Телефон продолжает звонить в пустой комнате.

Картина вторая.

Комната Гитель.

Прошло несколько часов; скоро полночь. В обеих комнатах темно, в окна падают отсветы пляшущих световых реклам. Слабо доносится шум ночного города. Под дверью Гитель видна желтая полоска света с лестницы. Вскоре слышатся шаги, голоса, щелкает ключ в замке и входит Гитель, за ней - Джерри; они выделяются силуэтами на фоне светлого проема двери. Оба оживлены, хотя Джерри по-прежнему ироничен и думает о чем-то своем.

ГИТЕЛЬ: Осторожней, не наткнитесь на что-нибудь. Без света в этой проклятой темнотице летучая мышь и та насаждает себе синяков.

ДЖЕРРИ: Половина моих лучших друзей - летучие мыши. Остальные - кукушки. Я же... Ох!..

ГИТЕЛЬ: Ну вот. Так я и знала. (включает лампу и по комнате разливается уютный свет. Бросает на тахту сумочку и театральную программку)

У Джерри в руках кулек и картонная коробка с бутылками кока-колы. Он потирает подбородок перевязанной рукой.

ГИТЕЛЬ (смеется): Я же говорила - осторожней!

ДЖЕРРИ (отдает ей свою ношу): Нет места опаснее, чем комната, в которой живешь. Шестьдесят процентов несчастных случаев происходит дома.

Гитель уносит картонку и кулек в кухню.

Не считая разрывов между супругами. Хочешь жить в безопасности - будь бездомным.

ГИТЕЛЬ (из кухни, смеясь): Что вам налить, кока-колы или пива?

ДЖЕРРИ: Что себе, то и мне. Любую влагу.

ГИТЕЛЬ: Я буду пить теплое молока.

ДЖЕРРИ (с сомнением): Теплое молоко?.. (раздумывает, вешает берет на манекен)

Гитель в кухне зажигает газ, ставит на плиту кастрюльку с молоком.

Кажется, я староват для вас. Мне больше подойдет кола.

ГИТЕЛЬ: В кока-коле есть кофеин, лучше пиво.

ДЖЕРРИ: В каком смысле оно лучше?

ГИТЕЛЬ: Оно как-то успокаивает. Вы за обедом выпили три чашки черного кофе, поэтому кола для вас...

ДЖЕРРИ: Ради бога, не надо меня нянчить! Меня и так уже занячили!

Гитель, пораженная его резким тоном, выходит из кухни.

Давайте колу, и будь что будет.

ГИТЕЛЬ: Вы сказали, что плохо спите по ночам. Сегодня не будете спать совсем. (уходит в кухню)

ДЖЕРРИ (обдумав ее слова, сухо): Бессонница не украшает жизнь. Если вы ручаетесь, что от пива я засну, тащите пиво.

ГИТЕЛЬ (на пороге кухни): Слушайте, давайте начнем сначала и решайте сами. Кока-кола или пиво?

ДЖЕРРИ: Теплое молоко.

ГИТЕЛЬ: Ох, перестаньте!..

ДЖЕРРИ: Нет уж, это дело серьезное. Легкомыслию здесь не место.

Гитель, качая головой, скрывается в кухне. Джерри оглядывает комнату.

ГИТЕЛЬ (из кухни): А что у вас за кровать, на которой вам не спится?

ДЖЕРРИ: Кушетка, купленная в лавке Армии Спасения за восемь долларов.

ГИТЕЛЬ: Ну так, господа, ничего удивительного! Посмотрите на мою кровать. (подходит к двери и указывает кружкой на тахту)

Джерри внимательно смотрит.

Знаете, сколько я отдала за один матрац? Пятьдесят девять монет. Высший сорт.

ДЖЕРРИ: Мда. Шесть прекрасных футов в длину, а в ширину места хватит на двоих, не правда ли?

ГИТЕЛЬ: Вот уж без чего не могу обойтись, так это без удобной кровати. Вам непременно нужно завести себе удобную кровать. (идет в кухню) Как никак в кровати мы проводим треть жизни.

ДЖЕРРИ (холодно): Судя по этому подсчету, вы ведете весьма аскетическую жизнь.

ГИТЕЛЬ: Почему это? А! Ну ладно, полжизни.

ДЖЕРРИ (заинтересованно): Вот как? Гм... Ну а я почти все ночи провожу на здешних мостах, похожих на бриллиантовые брошки. Я не могу тратить пятьдесят долларов ради удобства клопов.

ГИТЕЛЬ: У вас клопы? (входит с озабоченным лицом, неся коробку печенья и две кружки с молоком; одну дает Джерри)

ДЖЕРРИ: Да. Вдобавок ко всему, что не дает мне спать по ночам.

ГИТЕЛЬ: Вы безработный, Джерри?

ДЖЕРРИ (разглядывая молоко в кружке): Я-то знаю, почему должен пить это, ну а вы почему?

ГИТЕЛЬ: О, у меня язва. (указывает на живот) Двенадцатиперстной кишки.

ДЖЕРРИ: Seriously?

Гитель, пожав плечами, кивает головой и усаживается на тахту, подобрав под себя ноги.

Мне казалось, что язва у женщин отошла в прошлое вместе с двухместными велосипедами. Я думал, в наше время она бывает только у мужчин.

ГИТЕЛЬ (философски): Вот видите, а у меня она есть.

ДЖЕРРИ: Чем же это объяснить - вы старомодны или невежественны?

ГИТЕЛЬ: Ну, это дела не меняет.

ДЖЕРРИ: Как сказать. От этого зависит, например, допью ли я молоко и уйду или останусь у вас ночевать. (искоса смотрит на Гитель)

Та отвечает ему спокойным взглядом. Оба откровенно глядят друг на друга.

ГИТЕЛЬ: Вы в самом деле хотите повернуть дело так?

ДЖЕРРИ: В том-то и вопрос. Если б знать, куда повернуть. А то я часами топчусь на месте. (подходит к менекену и резко меняет разговор, чем окончательно сбивает Гитель с толку. Тон его сух и небрежен) Кстати, о летучих мышах - это что такое?

ГИТЕЛЬ: Балетный костюм. Одна знакомая девушка будет танцевать в воскресенье на утреннике общества морального самовоспитания.

ДЖЕРРИ: А от пояса и дальше она будет совсем голая, эта ваша знакомая?

ГИТЕЛЬ: Что вы, она наденет трико.

ДЖЕРРИ: А, это удачная мысль. (подходит к швейной машинке) Значит вы живете на этот нескромный заработок?

ГИТЕЛЬ (неуверенно): М-м... Наполовину.

ДЖЕРРИ: Почему только наполовину?

ГИТЕЛЬ: Потому что работы мало.

ДЖЕРРИ (разглядывая фотографии на стене): Надо шить костюмы подлиннее, только и всего. Ага, акробаты! Кто эта смуглая красавица в судорогах?

ГИТЕЛЬ: Это я.

ДЖЕРРИ: Вы?

ГИТЕЛЬ: Да, а что вас удивляет? Я танцую.

ДЖЕРРИ: Понятно. Просто у меня сложилось впечатление, что балет вас не устраивает. Либо, наоборот, вы - его.

ГИТЕЛЬ (возмущенно): Ничего подобного! Я танцовщица! Вы шутите, я столько лет занимаюсь у самого Хосе!

ДЖЕРРИ: У какого Хосе?

ГИТЕЛЬ (изумленно): Вы что, притворяетесь?

ДЖЕРРИ: Иногда. Значит это вы в своем натуральном виде?

ГИТЕЛЬ: Конечно, не зря же я платила по семь пятьдесят за урок.

ДЖЕРРИ: А этот Мистер Америка - ваша последняя ошибка?

ГИТЕЛЬ: Кто-кто?

ДЖЕРРИ: Ваш муж.

ГИТЕЛЬ: Да нет, это не он. Уолли был у меня так недолго, что не успел сняться. Это Ларри.

ДЖЕРРИ (глубокомысленно): А, теперешняя ошибка. (рассматривает фотографии) А вот тут вы еще больше в натуре. У вас в самом деле такие хорошенькие ножки?

ГИТЕЛЬ: Ну да! То есть были раньше, до болезни, теперь-то я здорово похудела.

ДЖЕРРИ (став на цыпочки, чтобы лучше разглядеть фотографию): От этой вашей старомодной язвы? Тут, кажется, даже и ее можно разглядеть.

ГИТЕЛЬ: Нет, от язвы как раз поправляешься. Ведь надо есть шесть раз в день, с ума сойти. Когда у меня было последнее желудочное кровотечение, я прибавила восемнадцать фунтов. Я дивно выглядела.

Джерри оборачивается к ней, нахмурясь.

Это все говорили!

ДЖЕРРИ: Пос-лед-не-е кровотечение.

ГИТЕЛЬ: Да, надеюсь, последнее. А то ведь и крови не напасешься.

ДЖЕРРИ: Это не шутки. Сколько раз это у вас было?

ГИТЕЛЬ: Два. И надо же, когда у меня был такой цветущий вид, как никогда в жизни, меня вдруг - бац! - кладут на операцию.

ДЖЕРРИ: Язва?

ГИТЕЛЬ: Аппендицит! (смущаясь под его пристальным взглядом, смеется) Так что видите, сколько у меня дефектов в организме!

ДЖЕРРИ (после паузы поднимает кружку с молоком): За ваш организм без аппендикса. Я против излишеств. (пьет молоко)

ГИТЕЛЬ (весело засмеявшись, тоже отпивает из кружки): Ну вот, теперь все мои болезни вам известны. Расскажите о своих.

ДЖЕРРИ: О моих? У меня их нет.

ГИТЕЛЬ: Как вас угораздило сломать ногу в пяти местах?

ДЖЕРРИ: Ах, ногу!.. Она сломалась от горя. (осушив кружку, подходит к радиоприемнику. Включает его, смотрит на зеленый глазок, выключает, и, вынув сигарету, принимается шагать по комнате)

ГИТЕЛЬ: Знаете что - перестаньте метаться, сядьте и успокойтесь.

Джерри круто оборачивается, но она предупреждает его возражения.

Я не собираюсь вас нянчить, просто это действует мне на нервы.

ДЖЕРРИ (сухо): Я могу находиться лишь в двух состояниях, второе - полуобморок. Между прочим, последнюю женщину, которая предложила мне сесть и успокоиться, я потом не мог привести в чувство девять лет. (садится на стул поодаль и снимает обертку с сигареты)

ГИТЕЛЬ (смотрит на него во все глаза): Кто была эта женщина?

ДЖЕРРИ: Ее имя выскочило из моей памяти. Но дело не в этом, а в том, как мы с вами решим.

ГИТЕЛЬ: Что решим?

ДЖЕРРИ: Остаться мне у вас или нет. Я благодарен вам за приглашение, но не уверен, стоит ли вам настаивать. С другой стороны, здесь очень мило, а я не могу сослаться на то, что уже куда-то приглашен.

ГИТЕЛЬ (не сразу): Я вас не пойму, Джерри.

ДЖЕРРИ: Это только так кажется. Обычно меня понимают сравнительно легко.

ГИТЕЛЬ: Сначала вы долго на могли решить пригласить меня обедать или нет, а потом вдруг - бац! - в постель. Зачем вы так, это же пустая болтовня!

ДЖЕРРИ: Не столько болтовня, сколько разведка. Как сказала одна старушка: "Откуда мне знать, что я думаю, пока не услышу, что я скажу?"

ГИТЕЛЬ: Ага. Интересно, а вы всегда все решаете именно так?

ДЖЕРРИ: Именно как?

ГИТЕЛЬ: Головой.

ДЖЕРРИ: Видите ли, так есть такое серое вещество, которое удерживает меня от ложных шагов. А вы чем решаете?

ГИТЕЛЬ: В таких случаях - не головой. И я считаю, что один-два ложных шага иной раз могут вывести на новую дорогу.

ДЖЕРРИ (пристально поглядев на нее): Не торопите меня.

ГИТЕЛЬ (негодующе): Вы что же думаете, что я толкаю вас на ложный шаг?

ДЖЕРРИ: Так. Я сжигаю перед собой мосты. Может, послушаем музыку, чтобы затуманить мысли о будущем? Кстати, я соскучился по музыке. Мне думается,

надо взвесить, на что я иду.

ГИТЕЛЬ (подняв брови): Позвольте, разве я сказала "да"?

ДЖЕРРИ: И вам не мешало бы взвесить. Что, если я могу себе позволить всего лишь... (жест рукой в сторону фотографий) девушку на карточке, а не живое человеческое существо с язвой и прочим?

ГИТЕЛЬ: Погодите, неужели у вас даже радио нет?

ДЖЕРРИ: Нет, а что?

ГИТЕЛЬ: Уж радио-то у всех есть!

Джерри закуривает сигарету.

(не сводя с него глаз, включает приемник и крутит рукоятку, стараясь найти какую-нибудь музыку) Слушайте, вы вправду сели на мель, да?

ДЖЕРРИ (рассматривая сигару): Что это за имя - Гитель? Какое-то экзотическое. Должно быть, такие имена бывают у эскимосов или...

ГИТЕЛЬ: Нет, у поляков. Так вы тоже?

ДЖЕРРИ: Поляк?

ГИТЕЛЬ: На мели.

ДЖЕРРИ: А почему это вас так интересует?

ГИТЕЛЬ: Просто я хочу знать, не от того ли вы не спите по ночам, а если так, то чего ради мы обедали в ресторане и пошли в театр? По крайней мере каждый мог бы заплатить за себя.

ДЖЕРРИ (невозмутимо): А я думал, вы итальянка.

ГИТЕЛЬ: Кто, я? Я еврейка.

ДЖЕРРИ: Моска.

ГИТЕЛЬ: Нет, это как раз, чтобы было экзотичнее. Я взяла эту фамилию для сцены.

ДЖЕРРИ: Для какой же именно сцены?

ГИТЕЛЬ: Что?

ДЖЕРРИ: Ничего. Как ваша настоящая фамилия?

ГИТЕЛЬ: Для электрических реклам она слишком длинная. Москович.

ДЖЕРРИ: Обрубили лишнее и стали итальянкой. Вы там и родились?

ГИТЕЛЬ: Где, в Италии?

ДЖЕРРИ: В Польше.,

ГИТЕЛЬ (сердито): Я родилась здесь, в Бронксе! Слушайте, почему вы не возьмете пособия по безработице? Меня, например, оно просто спасает.

ДЖЕРРИ: Гм... Во-первых, официально я живу в другом штате.

ГИТЕЛЬ: А-а... (на секунду задумывается) В каком же штате вы официально живете?

ДЖЕРРИ: В Небраске.

ГИТЕЛЬ: Небраска... Это где-то в Калифорнии?

ДЖЕРРИ: Нет, в Калифорнии, по-моему, Невада.

ГИТЕЛЬ: Ну все равно. Одним словом, вы далеко от дома. И у вас тут нет никого, кто мог бы вам одолжить денег?

ДЖЕРРИ (сидя на стуле, окидывает ее испытующим взглядом): Никого, кроме вас.

Пауза. Оба смотрят друг на друга, потом Гитель берет свою пустую кружку, собираясь налить еще молока, и что-то прикидывает в уме.

ГИТЕЛЬ: Сколько вам нужно?

ДЖЕРРИ (опустив глаза): Вы добрая душа. (встает и отходит в сторону; голос его становится ровным и вялым) Даже чересчур добрая. Не разыгрывайте

из себя фею-крестную, все равно вас сожрет волк.

ГИТЕЛЬ: Вы же сказали, что вы без гроша!

ДЖЕРРИ: Нет, это вы сказали. Разумеется, это весьма не романтично, но в прошлом году я заработал пятнадцать тысяч долларов.

ГИТЕЛЬ (вытаращив глаза): Каким образом?

ДЖЕРРИ: Я - поверенный.

ГИТЕЛЬ: То есть - адвокат?

ДЖЕРРИ: Скажем - поверенный. Чтобы было экзотичнее.

ГИТЕЛЬ (возмущенно): Я перебиваюсь на восемнадцать долларов в неделю и еще стараюсь вам помочь!

ДЖЕРРИ (стоя у окна, равнодушно): По-моему, вам нравится кормить собой пробегающих мимо волков.

ГИТЕЛЬ: Что-что?

ДЖЕРРИ: Вы - прирожденная жертва.

ГИТЕЛЬ: Чья?

ДЖЕРРИ: Своя собственная.

ГИТЕЛЬ (глядя на него широко открытыми глазами): Я ошибаюсь или вы действительно нахал? Я вас пожалела, что же тут плохого?

ДЖЕРРИ (оборачиваясь): Пожалели?

ГИТЕЛЬ: Да, конечно!

ДЖЕРРИ: Сколько вам лет?

ГИТЕЛЬ: Двадцать девять, а что?

ДЖЕРРИ: А то, что не ведите себя так, будто вам двадцать пять. В тридцать лет вы на самой вершине, и половина уже прожита, а судя по этой комнате, вам особенно нечем похвастаться. Пора бы позаботиться о своих делах.

ГИТЕЛЬ (сердито): Не беспокойтесь, я позабочусь! У меня есть свои планы.

ДЖЕРРИ: Какие же у вас планы?

ГИТЕЛЬ: Разные! Сейчас я начинаю работать с этим Ларри, мы хотим сделать настоящую балетную программу, черт возьми, мы можем стать знаменитостями! Я ищу, где бы недорого снять какой-нибудь чердак. Я бы оборудовала его под студию да еще сдавала кому-нибудь для балетных классов. Не говоря уж о том, что я, может, буду делать костюмы для одной постановки - Оскар вступил в новую труппу, он говорит, что, наверное, сможет...

ДЖЕРРИ (бесстрастно): Ничего из этого не выйдет.

Это так похоже на правду, что на мгновение Гитель теряется.

ГИТЕЛЬ (яростно): Ну, тогда я придумаю что-нибудь другое! Что вы ко мне пристали?.. Почему вы меня изводите?

ДЖЕРРИ: Хотите знать правду?

ГИТЕЛЬ: Да!

ДЖЕРРИ (ровным тоном): Потому что вы мне кажетесь занятой. Жизнь коротка, и раз уж вы прожигаете ее, как матрос на стоянке в порту, то можете потратить часть и на меня, но я, вероятно, не доставлю вам ничего, кроме огорчений: сегодня я здесь, а завтра меня нет, и мне ни к чему брать на себя ответственность за маленькую простодушную дуреху, вроде вас. Одним словом, вот так.

ГИТЕЛЬ (сердито): Что значит "простодушная", умник?

ДЖЕРРИ: Неискушенная. Наивная.

ГИТЕЛЬ: Идите к черту! В шестнадцать лет я уже снимала себе комнату в Гринич-Вилледж. Как вы думаете, для чего? Чтобы играть в куклы? Сколько

всяких слов, а на самом деле вы, наверное, просто трусите!

ДЖЕРРИ (после паузы, спокойно): Вы с ним живете?

ГИТЕЛЬ: С кем?

ДЖЕРРИ: С Мистером Америка. С Ларри.

ГИТЕЛЬ: Но он же танцовщик.

ДЖЕРРИ: Это я знаю.

ГИТЕЛЬ: Мы с ним дружим. Но боже мой, неужели вы думаете, что у меня... такие наклонности? (расширив глаза) А может, вы сами такой?..

ДЖЕРРИ: Какой?

ГИТЕЛЬ: Ну... с наклонностями.

ДЖЕРРИ (пауза, качает головой): Знаете, это уж слишком! (кладет сигару в пепельницу) Так у вас сейчас никого нет?

ГИТЕЛЬ: Я свободна, как птица, черт бы ее взял!

ДЖЕРРИ: Я тоже. (жестом подзывает ее к себе)

Гитель с готовностью подходит. Джерри целует ее сначала довольно прохладным поцелуем, но так как Гитель крепко прижимается губами к его рту, поцелуй становится страстным и затяжным. Гитель первая прерывает его. Джерри стоит неподвижно, у него дрожат руки. Гитель и сама немножко взволнованна.

ГИТЕЛЬ: Ох, братец! Вы долго постились?

ДЖЕРРИ: Год.

ГИТЕЛЬ (глядя на него с изумлением): Где же вы были, в тюрьме?

Джерри хватается за руки и привлекает к себе, на этот раз властно целует ее. Гитель слабо сопротивляется, отвечает на поцелуй, потом опять пытается вырваться и наконец сдается, бессильно обмякнув в его объятиях. Они отрываются друг от друга, когда уже у обоих не хватает дыхания.

Знаете что, раз мы не пойдём дальше, лучше уж не надо так.

ДЖЕРРИ: А кто сказал, что мы не пойдём дальше?

ГИТЕЛЬ: Вы съешьте еще печенья, чтобы успокоиться, а потом вам, пожалуй, лучше уйти.

ДЖЕРРИ: Уйти?!

ГИТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

ДЖЕРРИ (отпускает ее, пауза): Это вы имели в виду, когда сказали, что ложный шаг может вывести на новую дорогу?

ГИТЕЛЬ: Нет, я...

ДЖЕРРИ: Куда мне идти? (очень раздосадованный, оборачивается, видит радиоприемник. Насмешливо) В комнату без радио?

ГИТЕЛЬ (почти жалобно): Радио стоит девятнадцать девяносто пять...

ДЖЕРРИ: Недорого. Мне казалось, вы приглашали меня остаться. Зачем? Чтобы продать мне радио? (выключает радиоприемник и принимается ходить по комнате)

ГИТЕЛЬ (запальчиво): У меня железное правило - даже с господом богом я не стану спать в первый же день знакомства. За кого вы меня, в конце концов, принимаете? Во-вторых, вы все время ходите и ходите, у меня уже в глазах мелькает (ей удается разжечь в себе что-то вроде негодования), а, в-третьих, я ненавижу сигары - это во-первых, а во-вторых, то есть в-четвертых, я выкладываю вам про себя буквально все, а вы про себя ни слова. И чего ради я буду ложиться в постель с каким-то типом, про которого я ровно ничего не знаю, может, он...

ДЖЕРРИ (оборачивается к ней так резко, что она на мгновение цепенеет,

как от удара): По-то-му, что я здесь то-ну в це-мен-те!

ГИТЕЛЬ: Где?

ДЖЕРРИ: В этом городе! (шагает по комнате, говоря сквозь зубы, скорее самому себе, чем ей) Целый месяц я не перекинулся словом ни с одной живой душой, пока не позвонил Оскару, а ведь всегда друг друга терпеть не могли! Все, кого я тут знал, переехали в Коннектикут, в Вермонт, за Полярный круг! Я истоптал пару ботинок в музеях. Протер пару штанов в киношках, где показывали идиотские картины. И если мне еще раз придется бродить в одиночестве по одному из здешних прекрасных мостов, ей-богу, я перемахну через перила! Каждый вечер, натыкаясь на мусорные ведра, я плетусь по лестнице в свою каморку за двадцать один доллар в месяц, где однажды я открою газ и утром найдут мой труп. (поворачивается к ней) И, между прочим, я не могу купить себе радио за девятнадцать девяносто пять!

ГИТЕЛЬ (указывая на стену - соседи): Ш-ш! Почему?

ДЖЕРРИ (свистящим шепотом): Потому что я приехал сюда с пятьюстами долларов. Сейчас живу на три с половиной в день.

ГИТЕЛЬ: А сегодня истратили на меня шестнадцать восемьдесят!

ДЖЕРРИ (тоже шепотом): Я хотел пустить пыль в глаза.

ГИТЕЛЬ: Кому, мне?

ДЖЕРРИ: Нет, себе. Сегодня мне стукнуло тридцать три года.

Гитель растеряна и не знает, что сказать.

(с суровым видом поднимает вверх сигару) Поэтому я купил себе сигару за доллар.

ГИТЕЛЬ: Сегодня день вашего рождения?

ДЖЕРРИ: Простите, что надымил, к черту! (раздавливает сигару в пепельнице)

ГИТЕЛЬ (в смятении): Не надо, зачем вы ее испортили? Бог ты мой, вам самому пришлось покупать себе подарок в день рождения! Отчего же вы мне не сказали?

ДЖЕРРИ: А что, вы бы мне что-нибудь подарили?

ГИТЕЛЬ: Конечно!

ДЖЕРРИ: Благодарю вас. (снимает берет, надетый на манекен) Мне не нужно подачки от шальных беспризорных девчонок, даже таких симпатичных, как вы. Но впредь никогда не выгоняйте человека после того, как намекнули, чтобы он остался на всю ночь. Это как-то неженственно. (идет к двери)

ГИТЕЛЬ (уязвленная): Как по-вашему, что вы сейчас делаете?

ДЖЕРРИ (остановившись): А что?

ГИТЕЛЬ: Клянчите подачку, вот что! И весь вечер клянчили!

ДЖЕРРИ: Простите, это вы мне?

ГИТЕЛЬ: А то кому же! Все эти разговорчики - такой несчастный, клопы, сели на мель...

ДЖЕРРИ: Клопы сели на мель?

ГИТЕЛЬ: Клопы! Сели на мель!

ДЖЕРРИ: Послушайте, да что вы выдумываете...

ГИТЕЛЬ: ... и если я сию минуту не лягу с вами в постель, завтра найдут ваш труп!

ДЖЕРРИ (в изумлении): Кто это вам сказал?

ГИТЕЛЬ: Вы сказали! Рядом с мусорными ведрами!

ДЖЕРРИ: Ну, знаете ли! Я...

ГИТЕЛЬ: А не то вы спрыгнете с моста, до того вы одиноки! Ведь вы же только что это сказали, верно?

ДЖЕРРИ: Но я... я... (смотрит на нее с недоверием) Это было... просто агитационное выступление. Вы считаете, что я говорил так весь вечер?

ГИТЕЛЬ: Первое, что я от вас услышала, это "помогите мне". По телефону. Верно?

ДЖЕРРИ (глядит на нее ошеломленным взглядом, неуверенно пытаюсь что-то объяснить): Я хотел сказать... я... вы...

ГИТЕЛЬ: Да что там! Вы сказали - "помогите мне", я ответила - "ладно".

Джерри, уставившись на нее, не находит слов.

Я не жалею, я ко всему привыкла, но зачем вы меня при этом ругаете? Вы думаете, со мной все можно себе позволить?

Джерри все так же глядит на нее, но в нем вдруг просыпается какое-то воспоминание, и взгляд его становится невидящим. Он стоит, прижав пальцы ко лбу.

(встревоженно) Эй, слушайте! Я вас обидела?

ДЖЕРРИ (с усилием): Да как вам сказать... Я, видите ли... (трясет головой, оставив попытки иронизировать. Тихо) Мне просто вспомнилась одна история. С тех пор прошло... (воспоминания нахлынули издалека. Он говорит просто, в тоне его - незащитность) прошло ровно тринадцать лет... Я шел по студенческому городку Небрасского Университета с красивой темно-рыжей девушкой... Ее отец был не последней спицей в колеснице государства. Мы с этой девушкой были... мы очень сблизились за то лето, и я сказал ей, что должен бросить университет, у меня нет родных и нечем платить за учение. Следующий день - день моего рождения - был самым счастливым в моей жизни: мне дали стипендию имени Джорджа Норриса. Я смог учиться дальше и вот - стал адвокатом.

ГИТЕЛЬ: Это и вся ваша история?

ДЖЕРРИ: Та девушка стала моей женой.

ГИТЕЛЬ (хмуро): У вас есть жена?

ДЖЕРРИ: Была. Она меня бросила.

ГИТЕЛЬ (сокрушенно): О! Значит и вас тоже?..

ДЖЕРРИ: И меня тоже. Перед самой свадьбой я узнал, что стипендию мне дали только под нажимом Люциана, ее отца. И знаете, что я тогда сделал?

ГИТЕЛЬ: Что?

ДЖЕРРИ: Ничего. (беспомощно разводит руками) Это абсолютно верно то, что вы сказали. Вы совершенно правы.

ГИТЕЛЬ: В чем права?

ДЖЕРРИ: Я выклянчиваю подачки. Так оно и есть. Никогда этого не понимал, а сейчас вдруг понял. (надевает берет и идет к двери)

ГИТЕЛЬ: Но куда же вы идете?

ДЖЕРРИ: Обратно, в свое одиночество. (безнадежно) Опять будет то же самое.

ГИТЕЛЬ: Так не уходите. В самом деле, раз вам опостылела ваша комната, раз вам не хочется возвращаться к себе в день рождения - оставайтесь тут. Я лягу на диванчике в кухне, а вы - здесь, Может, если вы хорошо выспитесь, утром вам будет полегче, а?

Джерри смотрит на нее невидящим взглядом.

Оставайтесь, если хотите.

ДЖЕРРИ: Остаться?

ГИТЕЛЬ: По крайней мере, выспитесь. А утром вам будет лучше.

ДЖЕРРИ: И выставить вас вон?

ГИТЕЛЬ: Ну почему же вон! Я на том диванчике отлично улягусь. А вы... у вас такие длинные ноги...

ДЖЕРРИ: Да.

Гитель с интересом глядит на его длинные ноги. Когда глаза их встречаются, оба словно впервые видят друг друга по-настоящему. Их неожиданно словно обдало какой-то теплой водой, и оба смутились.

ДЖЕРРИ: И правая, и левая.

ГИТЕЛЬ: Ладно, я пока что... Ничего, если я оставляю вам свою простыню? (сдергивает покрывало, берет одну из подушек) Я вчера только постелила чистую и мылась в ванне.

ДЖЕРРИ: Конечно, ничего. Очень мило, что вы предложили мне ночевать у вас. Нелепо, правда, но...

ГИТЕЛЬ: Почему нелепо? У вас паршивая кровать, завтра вы купите керосину и промажете все щели в стене...

ДЖЕРРИ: Гитель, вы удивительно славная девушка.

ГИТЕЛЬ (растерянно): Вы тоже... уборная там, на лестнице...

ДЖЕРРИ: Но я, собственно, предлагал разделить с вами постель.

ГИТЕЛЬ: А я предлагаю вам только одно - как следует выспаться, а утром...

ДЖЕРРИ: А утром мне будет легче. Без сомнения.

ГИТЕЛЬ (слава богу, все улажено): Ну, располагайтесь. (берет в охапку подушку, покрывало и какие-то вещи, идет в кухню. Зажигает там свет)

ДЖЕРРИ: Гитель!

ГИТЕЛЬ (из кухни): Да?

ДЖЕРРИ: Я не могу.

ГИТЕЛЬ: Подождите, у меня руки заняты!

ДЖЕРРИ (пауза): Сумасшедшая! (тем не менее удобная постель притягивает к себе его взгляд; он с досадой отворачивается) Гитель!

Гитель появляется в дверях кухни, все еще держа в руках вещи.

Послушайте, согласитесь, что с моей стороны было бы просто моральной слабостью остаться здесь после того, как...

ГИТЕЛЬ: Но сегодня же ваш день рождения! (скрывается в кухне)

ДЖЕРРИ (обдумывает этот довод, потом глядит на кровать, обводит взглядом комнату и вздыхает): Гитель!

Гитель показывается в дверях.

(смирненно) Мне в самом деле остаться?

ГИТЕЛЬ: Слушайте, не морочьте мне голову. Хотите вы остаться или нет?

ДЖЕРРИ (после паузы): Я целый месяц не был в комнате, где бы пахло... человеческим жильем. Конечно, хочу.

ГИТЕЛЬ: Ну и оставайтесь! (снимает с него берет, бросает на тахту и, сунув ему в руки полотенце, уходит на кухню)

ДЖЕРРИ (разворачивает сложенное полотенце, в нем большая дыра, Качает головой - ему смешно и грустно): До черта неловкое положение! (выходит на лестницу, не закрыв за собой входную дверь)

Из кухни выходит Гитель все с той же охапкой вещей.

ГИТЕЛЬ: Слушайте, я...

(видит, что комната пуста и умолкает, глядя на берет, лежащий на тахте. Сердито хмурится, что-то обдумывая. Потом качает головой: "нет-нет" и идет в кухню. Но на пороге вдруг останавливается. Через секунду идет обратно и опять смотрит на берет. Наконец, вздыхает, с видом угнетенной покорности бормочет)

Ведь день рожденья, будь он проклят!

(и возвращает все вещи на место: халат в шкаф, будильник на стол, подушку на тахту, рядом с другой. Расстегнув блузку, бросает ее на спинку стула; потом, присев на кровать, снимает туфли и стягивает с себя юбку. В коротенькой комбинации идет к шкафу и достает пижаму, но, услышав шаги Джерри в передней, удирает с пижамой в кухню)

ДЖЕРРИ (входит и начинает беспокойно шагать по комнате. Под ноги ему попадают туфли; он смотрит на них, на юбку, брошенную на пол, на вторую подушку и взглядывает в сторону кухни - намерения Гитель ему ясны. Он берет со стула блузку и прижимает ее к лицу, вдыхая запах женщины. Третя о блузку щекой, размышляет, хмурится. И, наконец, разобравшись в путанице чувств, говорит себе твердо и раздельно):

Нет, это не начало новой жизни!

(вешает блузку на спинку стула и, захватив лежащий на тахте берет, выходит в переднюю и закрывает за собой дверь)

Из кухни осторожно выглядывает Гитель, уже в пижаме. Видит, что Джерри нет, входит. Быстро тушит лампу, откидывает одеяло и хочет лечь, но, вдруг что-то вспомнив, придвигается на коленях к ножкам тахты и шарит рукой, ища берет Джерри. Берета нет. Гитель озадачена, но тут замечает, что дверь на лестницу закрыта. Она встает с тахты, выглядывает на площадку лестницы, смотрит через перила. Внизу, двумя этажами ниже, хлопнула входная дверь. Гитель идет назад, на мгновение останавливается на пороге, выделяясь силуэтом в проеме двери, потом с беспомощно-покорным видом хлопает себя по бедрам.

Картина третья.

Обе комнаты.

Прошло несколько часов; в окнах комнат Гитель и Джерри брезжит рассвет. Гитель спит на кровати, с головой укрывшись одеялом. Комната Джерри пуста, но через минуту мы слышим, как он отпирает дверь. Войдя, он замечает лежащую на полу телеграмму, поднимает ее и идет к разбитому окну. Он небрит, устал после долгой ходьбы, но на душе у него стало, видимо, легче. Он разрывает

конверт, чтобы прочесть телеграмму, но, вынув ее наполовину, снова засовывает в конверт и бросает на кушетку. Закурив, делает несколько шагов по комнате и останавливается возле кушетки, как бы выбирая между телефоном и телеграммой, затем решительно садится к телефону и набирает номер. В комнате Гитель звонок.

ГИТЕЛЬ (сонная, поворачивается на бок и ощупью снимает трубку; не открывая глаз): Да-а, алло!

Джерри медлит, не зная, с чего начать.

Алло!

ДЖЕРРИ (сухо): Так вот, насчет холодильника. Мне думается, вы напрасно отдали его незнакомому балбесу.

ГИТЕЛЬ: Что-о?

ДЖЕРРИ: Если вы будете раздавать свои вещи первым встречным, то ко дню Страшного суда рискуете остаться без холодильника, а с моральной точки зрения...

ГИТЕЛЬ (вскакивает): Джерри! Эй, вы живы-здоровы? Я звонила вам раза два-три, и никакого ответа!

ДЖЕРРИ: Я исследовал новый мост. Куинсборо. Он открывает новые возможности для... Я хотел сказать, для прыжков в воду. Ну да ладно. Я удрал от вас, Гитель.

ГИТЕЛЬ: Да, я заметила.

ДЖЕРРИ: Что заставило вас изменить своему железному правилу?

ГИТЕЛЬ: О, я просто не могла устоять перед вашим ослепительным беретом.

ДЖЕРРИ: Надо было оставить его у вас. А я думал, тут другое.

ГИТЕЛЬ: Что же?

ДЖЕРРИ: Благотворительность. По-моему, ваша беда в том, что вы распоряжаетесь кассой благотворительного общества.

ГИТЕЛЬ: Что-что?

ДЖЕРРИ: А моя беда в том, что моя жена слишком хорошо меня знает. Вы вчера зажгли такую огромную свечу на моем именинном пироге, что она осветила мне весь обратный путь от города Омахи в штате Невада.

ГИТЕЛЬ: Как это?

ДЖЕРРИ: Тесс - насколько мне помнится, ее зовут Тесс - тоже душила меня своей чуткостью. Но, ей-богу, это не ее вина. Я не должен был поступать в юридическую контору ее отца, а я поступил. Я должен был отказаться от чудесного дома, который он нам дал, а я не отказался, и это отравило нам жизнь.

ГИТЕЛЬ (мрачно): Ну?

ДЖЕРРИ: Ну и вот. Мы жили, как боги, и нечаянно позабыли, что есть на свете такая вещь, как верность. Мне пришлось разыгрывать героя перед чьей-то женой, не важно чьей, а Тесс сейчас выходит замуж за моего бывшего однокурсника, который... Впрочем, это тоже неважно. Я только хотел сказать, что со вчерашнего вечера мне кажется, будто половина моей жизни состоит из подачек, - от последней я решил отказаться. От вас.

ГИТЕЛЬ: О! А я думала, тут другое.

ДЖЕРРИ: Что же, например?

ГИТЕЛЬ: Мне показалось, будто вам показалось, что я не... (глубоко переводит дыхание) Одним словом, вы считаете, что я... Ну, вы понимаете.

ДЖЕРРИ: Нет.

ГИТЕЛЬ: Что я недостаточно привлекательна.

ДЖЕРРИ (после паузы): О господи! И все-таки вы звонили мне два или три раза?

ГИТЕЛЬ (самолюбиво): Только два!

ДЖЕРРИ: Но почему?

ГИТЕЛЬ: Ну, вы так внезапно удрали, я о вас беспокоилась.

ДЖЕРРИ: Гитель! (тон его мягок и ласков; в нем впервые слышатся неподдельное участие и заинтересованность. Отношение Джерри к ней вдруг принимает совсем иной оттенок.) Гитель, я скажу вам две правды. Первая - вы очень привлекательны, вторая - вы слишком дешево себя цените.

ГИТЕЛЬ: Неправда!

ДЖЕРРИ: Нет, правда. Иначе бы вы гораздо чаще возмущались.

ГИТЕЛЬ: Чем?

ДЖЕРРИ: Многим. Вот сейчас, в эту минуту, почему вы не отругаете меня за то, что я звоню вам в такой час?

ГИТЕЛЬ: А сколько сейчас времени?

ДЖЕРРИ: Без чего-то пять. Ну, начинайте. Надо упражняться.

ГИТЕЛЬ: Чего начинать?

ДЖЕРРИ: Упражняться. Протестовать. Возмущаться.

ГИТЕЛЬ: А?

ДЖЕРРИ: Накричите же на меня!

ГИТЕЛЬ: За что?

ДЖЕРРИ: Да ведь это безобразие - звонить в такой час! Кто я такой, чтобы будить вас на рассвете? Это неуважение к вам и вообще черт знает что такое! Ну, почему же вы молчите?

ГИТЕЛЬ: Послушайте, что вы на меня орете?

ДЖЕРРИ (мягко): Для вашей же пользы.

ГИТЕЛЬ: Я не люблю кричать на людей, это действует мне на нервы. И, кроме того, я рада, что вы мне позвонили...

ДЖЕРРИ: Почему?

ГИТЕЛЬ (с раздражением): Нет, я просто поражаюсь вашей тупости! Я же говорю - я о вас беспокоилась.

ДЖЕРРИ: Вот это уже лучше.

ГИТЕЛЬ: Что лучше?

ДЖЕРРИ: Главное - упражняться. Валяйте дальше.

ГИТЕЛЬ (разозлившись): Еще чего! Упражняться! Вы что, совсем спятили, или считаете меня за идиотку. Знаете, который теперь час? Зачем вы мне звоните в пять утра? Чтобы упражняться в перебранках, да?

ДЖЕРРИ (забавляясь): Нет, чтобы попросить вас больше ничего никому не отдавать. Пока мы не увидимся.

ГИТЕЛЬ: Что-что?

ДЖЕРРИ: Я спрашиваю вас: хотите попробовать... стать половиной пары?

ГИТЕЛЬ (помолчав): Слушайте, лучше не начинайте все с начала.

ДЖЕРРИ: На этот раз - на моих условиях. Подачек больше не хочу.

ГИТЕЛЬ: А что же вы хотите?

ДЖЕРРИ: Я хочу... немножко позаботиться о вас. И о вашей язве.

Гитель, широко открыв глаза, смотрит на телефон.

Вы мне разрешите это?

ГИТЕЛЬ (качает головой; она не может разобраться в своих ощущениях, поэтому не знает, что ответить. Она растрогана и вместе с тем еле удерживается, чтобы не засмеяться): Я... Вы... Но почему вдруг?

ДЖЕРРИ: Кажется мне, что я могу вам пригодиться. Конечно, не такое уж я

сокровище, к тому же все еще занят этой... гражданской войной. Я бы рассказал вам всю эту скверную историю, если бы вы позавтракали со мной.

ГИТЕЛЬ: Где?

ДЖЕРРИ: Здесь. Вы приедете?

ГИТЕЛЬ: Понимаете, в восемь пятнадцать мне будут рвать зуб, будь он проклят. Потом я буду плевать кровью, так что с меня мало толку...

ДЖЕРРИ: Но вы придете?

ГИТЕЛЬ: Конечно, приду.

ДЖЕРРИ (после паузы, ласково): Я буду о вас заботиться. (хочет положить трубку, но вдруг спохватывается) Гитель!

ГИТЕЛЬ: Да?

ДЖЕРРИ: Что надо делать, когда из десны идет кровь?

ГИТЕЛЬ (мгновенно встревожилась): А что, у вас идет кровь?

ДЖЕРРИ: Чудачка вы все-таки! Я о вас говорю.

ГИТЕЛЬ: А-а. Да ничего не надо делать. Пойдет и перестанет.

ДЖЕРРИ: Я знал, что мне непременно понадобится тот ледник. Придется положить лед в раковину.

ГИТЕЛЬ: Зачем?

ДЖЕРРИ: Чтобы набить пузырь, который я куплю. Вы будете прикладывать его к щеке.

ГИТЕЛЬ (после паузы, улыбаясь): Решили взять быка за рога?

ДЖЕРРИ: Не хочу терять ни минуты. Сегодня первый день моего тридцать четвертого года, и я чувствую себя, как жаворонок на заре. Ну, спите спокойно. (кладет трубку)

ГИТЕЛЬ (сидит неподвижно, потом тоже кладет трубку и удивленно качает головой): С ума сойти! (немного погодя, встает, идет в кухню и, налив в стакан молока, возвращается на тахту)

Джерри ставит телефон на пол и задумчиво улыбается, пока его взгляд не падает на телеграмму. Берет конверт и вертит в пальцах. Наконец, вынимает телеграмму и, подойдя к окну, читает - дважды про себя, третий раз вслух, без всякого выражения в голосе:

"Звонила поздравить днем рождения, не смей отталкивать меня, негодяй, помоги бог нам обоим, но помни, что я тебя люблю, это правда. Тесс."

Через секунду замечает, что телеграмма дрожит в его руке. Комкает ее и медленно бросает в разбитое стекло. Идет к кушетку, перекладывает кучу одежды на стул и ложится, куря сигарету.

В тусклом предутреннем свете каждый лежит у себя, поглощенный своими мыслями. Джерри курит, Гитель потягивает молоко. Тишину нарушает только далекий бой башенных часов - бьет пять.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Картина первая.

Комната Джерри.

Уже октябрь. Ранний вечер, сумерки. В комнате Гитель все по-прежнему, только не убрана постель с двумя смятыми подушками. Зато комната Джерри значительно изменилась. В ней появились незатейливые и дешевенькие вещи, однако она выглядит теперь уютной и жилой. Появилось покрывало на кушетке, новые лампы, маленькие половики, холщовые занавески на окнах, выкрашенные ящики из-под фруктов вместо книжных полок; все это убранство в деревенском стиле сделано руками Гитель. У окна - ломберный столик, накрытый к обеду, и два стула. На книжной полке маленький радиоприемник Гитель; играет симфонический оркестр. В кухне горит лампочка, уютно затененная абажуром; там Гитель, подвязав вместо передника кухонное полотенце, готовит обед. Она вносит миску с салатом, ставит ее на стол и останавливается, задумчиво слушая музыку. Внезапно она делает несколько медленных конвульсивных движений; через секунду мы догадываемся, что это движения современного танца, потому что Гитель останавливается, недовольная собой, скребет затылок и начинает снова, потом досадливо машет рукой

и уходит в кухню. Там снова открывает духовку газовой плиты, поливает жаркое соком. Вдруг застывает, прислушивается и, бросившись в комнату, торопливо зажигает две свечи на столе. Входит Джерри.

ГИТЕЛЬ (радостно): Здравствуй, малыш!

ДЖЕРРИ: Привет! (нюхает воздух и заглядывает в кухню) М-м, какой дух! Цыплята?

ГИТЕЛЬ: И салат, и картошка, и вино на льду.

ДЖЕРРИ: И вино? (стоит, прислонясь к дверному косяку; он в пальто и в шляпе, под мышкой у него два-три толстых юридических справочника и несколько свертков, обернутых только что купленной газетой) Что мы пропиваем? Наши поместья?

ГИТЕЛЬ: Мне уступили его задешево, шестьдесят девять центов бутылка. Наверное, потому, что оно старое. (привстает на цыпочки, чтобы поцеловать Джерри; он обнимает ее свободной рукой и улыбается) Что тебя смешит, не понимаю?

ДЖЕРРИ: Ты, детеныш. (замечает занавески на окне) Ты повесила занавески!

ГИТЕЛЬ: Ну да, а зачем я хожу сюда, как ты думаешь? Любоваться на тебя?

ДЖЕРРИ: Роскошная вещь. За две недели ты сделала из этого клоповника выставочный экспонат. В отличие от вина ты с возрастом становишься все лучше.

ГИТЕЛЬ: Что же в газете?

ДЖЕРРИ: Все то же. Два трупы и четыре похищенных автомобиля.

ГИТЕЛЬ: Я спрашиваю, что ты принес в газете?

ДЖЕРРИ: Стоп! Не подходи!

ГИТЕЛЬ (испуганно): А!..

ДЖЕРРИ: Осторожней! Отойди на шаг.

ГИТЕЛЬ: Почему?

ДЖЕРРИ (спокойно): Потому что весь день я сидел, уткнувшись носом в юридические книги, и мне все время хотелось уткнуться носом в тебя. (разворачивает газету и помахивает перед лицом Гитель пакетиком) Вот тебе твои нитки.

ГИТЕЛЬ: О, спасибо! Ты видел Фрэнка Таубмена?

ДЖЕРРИ: Видел. Это к чаю. (помахивает другим пакетиком) Соевый пудинг. Полезная штука. Без соли, без масла, без вкуса.

ГИТЕЛЬ: И что он сказал?

ДЖЕРРИ: Потом расскажу. А это кусочек луны. От меня тебе. (отдает ей третий пакетик)

ГИТЕЛЬ: Подарок?

ДЖЕРРИ: Просто кусочек луны с неба.

Гитель развязывает пакетик при свете свечей. Джерри снимает пальто и шляпу.

ГИТЕЛЬ: Мне не терпится. Скажи, что это? Что?

ДЖЕРРИ (бесстрастно): Значит, так: она открывает коробку, которую ей преподнес ее возлюбленный, и думает, что это конфеты, но там оказываются законсервированные мозги ее вероломного отца, который убежал из дому с шайкой малолетних преступников; она мгновенно узнает его и испускает нечеловеческий крик...

ГИТЕЛЬ (озадаченно): Кусок мыла?..

ДЖЕРРИ (подходит к ней): На самом деле это консервированные мозги ее вероломного...

ГИТЕЛЬ: В чем дело? Разве от меня дурно пахнет?

ДЖЕРРИ: Блестящая догадка. Сейчас обследуем. (обнимает ее сзади за талию и зарывается лицом в ее волосы)

ГИТЕЛЬ: Нет, в самом деле, почему ты мне даришь кусок мыла? Разве мне необходимо вымыться?

ДЖЕРРИ: Почему я дарю кусок мыла... Ты посмотрела на коробку?

ГИТЕЛЬ: Нет.

ДЖЕРРИ: Прочти, что там написано.

ГИТЕЛЬ (читает у свечки): Шанель номер...

ДЖЕРРИ: Шанель номер пять, его рекламировали по телевизору. Шанель номер пять, мадам. У вас в руках мыльные пузыри ценой в два с половиной доллара.

ГИТЕЛЬ (в ужасе): Два с половиной... за один кусок мыла?!

ДЖЕРРИ: Не вздумай только им мыться. Мы будем есть его ложками, вместо соевого кекса.

ГИТЕЛЬ: Знаешь, иногда я думаю, что не я полоумная, как считает один из нас, а ты. Мы не будем есть два с половиной доллара!

ДЖЕРРИ: Нет, будет. Устроим себе пир. Как твой живот?

ГИТЕЛЬ: Хорошо. Я приняла пилюлю - и живот как рукой сняло.

ДЖЕРРИ: Ну, не совсем сняло. Немножко осталось.

ГИТЕЛЬ: Чего осталось?

ДЖЕРРИ: Живота.

ГИТЕЛЬ: Ага. По-твоему, я слишком толстая?

ДЖЕРРИ: Что ты, наоборот.

ГИТЕЛЬ: По-твоему, я слишком тощая?

ДЖЕРРИ (сухо): По-моему, ты священный сосуд женственности.

ГИТЕЛЬ: Словом, посудина, которую необходимо вымыть. поэтому ты и принес кусок мыла.

ДЖЕРРИ: Священный сосуд с гордо изогнутым носиком, плавной округленностью корпуса, с изящным изгибом ручки... Ну, как, ничего? (целует ее)

ГИТЕЛЬ: Понимаю. Это чайник. (снова долгий поцелуй; высвобождаясь из его объятий) Да, чуть не забыла, тебе звонили по междугородней. Скоро опять

будут звонить.

ДЖЕРРИ: Кто?

ГИТЕЛЬ (весело): Твоя жена. (нюхает мыло) Это ее любимое мыло, ДЖЕРРИ?

ДЖЕРРИ (не сразу): Нет, и я редко делал ей подарки. У нее и так... было всего вдоволь.

ГИТЕЛЬ: Ну, я пошла. (уносит мыло в кухню, возится там у плиты)

ДЖЕРРИ (стоит неподвижно, потом нарочито небрежным тоном): Когда она звонила?

ГИТЕЛЬ (из кухни): Вскоре после того, как я сюда пришла. Сказала, что позвонит опять в восемь часов.

Джерри взглядывает на наручные часы, потом на телефон, убирает со стола газету и книги, и снова бросив взгляд на телефон, подходит к окну и смотрит на улицу. Входит Гитель, неся сковородку с цыплятами и карнишоны на тарелке. Ставит все на стол, оживленно болтая.

ГИТЕЛЬ: Должно быть, у нее уйма лишних денег, да? Два междугородних разговора, с ума сойти! Знаешь, я всего один раз в жизни заказывала междугородний разговор. (накладывает еду на тарелки) С городом Тэлесси, это во Флориде, вскорости после того, как мы с Уолли поженились. У него была там работа. То есть это он так говорил, но я случайно узнала, что это не работа а та рыжая, он к ней опять вернулся. Я не рухнула замертво, а взяла да позвонила ему туда...

ДЖЕРРИ: Я не стану с ней говорить, я не хочу.

Гитель, чуть сдвинув брови, продолжает накладывать еду на тарелки.

Гитель!

ГИТЕЛЬ: Не хочешь - не говори... Но вот когда мне принесли счет, тогда я действительно рухнула!

ДЖЕРРИ: Я не подойду к телефону.

ГИТЕЛЬ (быстро): Хорошо. Ты не принесешь вино?

ДЖЕРРИ: С удовольствием. (включает радио и идет в кухню) И напьемся вдрызг на все шестьдесят девять центов. У нас есть что отпраздновать. Сегодня я разговаривал с Фрэнком Таубменом.

Гитель тем временем стоит, глядя на телефон, потом выключает радио. Атмосфера в комнате становится иной; телефон словно гипнотизирует их обоих, приковывая к себе их взгляды и внимание, что бы они ни говорили и не делали.

(входит с бутылкой вина и штопором) Что случилось, детеныш?

ГИТЕЛЬ: Как видишь, ничего, даже народ не сбежался.

ДЖЕРРИ: Ты от того, что я не хочу подходить к телефону?

ГИТЕЛЬ: Ничего со мной не случилось, откуда ты взял?

ДЖЕРРИ: Все это давно умерло и похоронено. (откупоривает бутылку) Лежит глубоко под землей, гроб запечатан, памятник оплачен, и я не желаю ворошить могилу. (веселым тоном) Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Как продвигается твоя концертная программа?

ГИТЕЛЬ: Это ты называешь приятным? Я опять ходила смотреть чердак. Этот подонки хочет сдать не меньше, чем на два года, и не уступает ни цента. Откуда я возьму такие деньги? Отличная была бы студия, но разве что для Рокфеллера.

ДЖЕРРИ: Зачем тебе Рокфеллер? У тебя и так есть целый капитал.

ГИТЕЛЬ: Где?

ДЖЕРРИ (стучит себе по лбу): Здесь. Сегодня у меня был длинный разговор с Фрэнком Таубменом.

ГИТЕЛЬ: Ну и что он тебе сказал? (но взгляд ее то и дело устремляется на телефон)

ДЖЕРРИ: Что поскольку у меня нет разрешения на адвокатскую практику в Нью-Йорке, он может мне предложить подготовку дел для адвокатов.

ГИТЕЛЬ: Да?

ДЖЕРРИ: Так что завтра утром мы с тобой пойдем к подонку и внесем плату за два месяца.

ГИТЕЛЬ: Из каких денег?

ДЖЕРРИ: Я сегодня уже работал. За это платят сдельно. Скоро мы будем обклеивать деньгами стены.

ГИТЕЛЬ: Я сниму чердак, когда я получу работу. (опять взглядывает на телефон)

ДЖЕРРИ (на этот раз перехватывает ее взгляд): Молчит.

ГИТЕЛЬ: Кто?

ДЖЕРРИ: Телефон.

ГИТЕЛЬ: Да. Говорят, в кондитерской Шрафта нужны девушки. Завтра пойду туда.

ДЖЕРРИ: К Шрафту? Обслуживать столики?

ГИТЕЛЬ: Уж что придется. Я работала там в прошлом году, отпускала конфеты, поправилась на семь фунтов. Очень хорошие там конфеты.

ДЖЕРРИ: Сделай мне маленькое одолжение - разреши сделать тебе маленькое одолжение.

ГИТЕЛЬ: Пожалуйста. Какое, например?

ДЖЕРРИ: Например, устроить тебе этот чердак. Знаешь, сколько я могу зарабатывать у Таубмена? Сотню в неделю, а конфеты я буду тебе покупать. Незачем тебе идти к Шрафту, это глупо.

ГИТЕЛЬ: Что ты имеешь против Шрафта?

ДЖЕРРИ: Боюсь, что кто-нибудь по ошибке вместо конфеты съест тебя. Словом, истец дает Шрафту отвод. (принимается за еду) Слушай, цыпленок просто сказочный! Чем тебе удалось придать ему вкус джина?

ГИТЕЛЬ: Джином.

ДЖЕРРИ: Сказочно. Ты умеешь шить, ты умеешь готовить, ты... (вдруг замечает тарелку с корнишонами. Зловеще) Кажется, мы собираемся есть корнишоны?

ГИТЕЛЬ: Ты их любишь.

ДЖЕРРИ: Ничуть, тем более что у тебя всю ночь болел живот.

ГИТЕЛЬ (с негодованием): Ты же говорил, что корнишоны твоя слабость!

ДЖЕРРИ: Эта моя слабость может продырявить твои кишки. А твои кишки - тоже моя слабость. Сколько штук ты съела?

ГИТЕЛЬ: Три.

ДЖЕРРИ: Три - это слишком много.

ГИТЕЛЬ: Я их люблю.

ДЖЕРРИ (колеблется): Четыре и ни одного больше. (берет с ее тарелки корнишоны, один бросает на тарелку обратно, остальные уносит в кухню)

ГИТЕЛЬ: Эй, эй! (но протест ее не очень энергичен, она хватает корнишоны с тарелки Джерри и запихивает в рот)

Джерри возвращается с двумя ломтиками хлеба.

ДЖЕРРИ: Вот взамен. Тебе необходим крахмал, он поглотит все кислоты, -

я прочел целый трактат о желудочных язвах. Оказывается, ты просто не знаешь, куда девать свои кислоты. На нашем медицинском языке мы в таких случаях говорим, что больной киснет. Давай-ка будем есть то, что тебе можно, ладно?

ГИТЕЛЬ (с набитым ртом): Давай.

Джерри бросает взгляд на часы, хмурит брови и смотрит на телефон. Садясь, встречается глазами с Гитель.

Молчит.

ДЖЕРРИ: Кто?

ГИТЕЛЬ: Телефон.

ДЖЕРРИ: Да... Я как раз подумал о том, что совсем забыл, как звучит ее голос. Какой у нее голос?

ГИТЕЛЬ (сердито): Что значит - какой?

ДЖЕРРИ (скучаяще): Да просто как он звучит по телефону, и давай не будем...

ГИТЕЛЬ: Прелестный голос, очаровательный голос! Хочешь послушать - поговори с ней. Чего ты трусишь?

ДЖЕРРИ (положил вилку, смотрит на нее. Ровным тоном): Ты в самом деле хочешь, чтобы я подошел к телефону?

ГИТЕЛЬ: Кто, я?

ДЖЕРРИ: Почему ты этого хочешь?

ГИТЕЛЬ: А почему нет?

ДЖЕРРИ: Потому что я сейчас вкушаю блаженство в райском саду, с тобой и жареными цыплятами. Мы - Адам и Ева, а значит, что такое эти тысяча двести миль телефонного провода? Змея. Зачем же ее впускать к нам, мы только что насилу избавились от клопов.

ГИТЕЛЬ: За что ты ее так ненавидишь?

ДЖЕРРИ: Я ее не ненавижу. Поговорим лучше о чем-нибудь другом.

Оба снова принимаются есть.

Завтра я пойду с тобой договариваться насчет чердака. Скажешь тому подонку, что я твой поверенный, что я занимаюсь исключительно твоими делами по найму помещений. Я сам буду вести переговоры. Я даже возьму с собой портфель.

ГИТЕЛЬ: Что это за хлеб?

ДЖЕРРИ: Очень полезный для здоровья. Смотри, не сломай зубы.

ГИТЕЛЬ: Не сломаю, пока ты мне их заговариваешь! (хохочет)

ДЖЕРРИ: Ты ящерица. Обыкновенная ящерица. И как это ты забралась в мою плоть и кровь? Но слушай, я говорю серьезно: если ты танцовщица, пора что-то делать, дни идут...

ГИТЕЛЬ (яростно): Конечно, я танцовщица и, наверное, скоро от этого сойду с ума! Другие получают известность, а я получаю только счета за починку швейной машины!

ДЖЕРРИ: Ладно, тогда я помогу тебе снять чердак. Ты будешь готовить концерт, а я - дела для адвокатов.

ГИТЕЛЬ: Что это значит - готовить дела?

ДЖЕРРИ: Выискивать для каждого дела прецедент.

Гитель не понимает.

Видишь ли, когда один стрючок возбуждает дело против другого стрючка,

суд не может решить, кто из двух стрючков пострючковее, пока не узнает, как решилось такое же дело других двух стрючков в другом суде в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году.

ГИТЕЛЬ: И это занято?

ДЖЕРРИ: Не очень, если у тебя нет особой страсти копаться в архивах. Но я не собираюсь заниматься этим всю жизнь, я смогу выступать в суде, как только сдам квалификационный экзамен.

ГИТЕЛЬ: Почему же ты не сдашь?

ДЖЕРРИ (улыбаясь): Страшно.

ГИТЕЛЬ: Ха! Ты их всех за пояс заткнешь.

ДЖЕРРИ: Почему ты так считаешь?

ГИТЕЛЬ (безмятежно): У меня сложилось такое впечатление.

ДЖЕРРИ: Я ведь не то что законов, даже здешних правил уличного движения не знаю. В каждом штате свои законы, поэтому я...

ГИТЕЛЬ: Подумаешь, можно вызубрить.

ДЖЕРРИ (сухо): Не тот возраст, чтобы садиться за зубрежку.

ГИТЕЛЬ: Каждый день читаешь в газетах: чья-то бабушка начала учиться в Нью-Йоркском университете; одиннадцать внуков, семьдесят лет...

ДЖЕРРИ: Ты считаешь, что я тоже чья-то бабушка? Мне еще не семьдесят лет, но у меня есть уже опыт в адво... (внезапно выпрямляется, разглядывая ее) Как это ты ухитрилась?

ГИТЕЛЬ: Что?

ДЖЕРРИ: Мы начали с того, что я хочу тебе помочь, а через минуту уже ты меня тянешь за уши в адвокатскую коллегия.

ГИТЕЛЬ: Мне ничья помощь не нужна, я сама справлюсь.

Джерри это неприятно, он низко наклоняется над тарелкой.

Ведь рано или поздно тебе придется держать этот экзамен. Разве нет?

ДЖЕРРИ: Нет.

ГИТЕЛЬ: Что же ты будешь делать тут в старости?

ДЖЕРРИ: Не торопи меня в могилу. Я не заглядываю так далеко.

Гитель это неприятно, она низко наклоняется над тарелкой. Оба молча едят. Потом Гитель вскакивает, идет на кухню, приносит корнишоны и кладет себе на тарелку целую пригоршню.

ГИТЕЛЬ: Ты приехал сюда отдыхать, что ли? (садится)

Джерри молча берет с ее тарелки корнишоны и уносит в кухню.

ДЖЕРРИ (возвращаясь): Не то чтобы отдыхать, но ведь может случиться, что я умру в другом штате. Обидно же тратить столько труда на экзамены в адвокатуру Нью-Йорка, а умереть, скажем, в Нью-Джерси. Пришлось бы метаться туда-сюда. (садится)

Гитель встает и направляется в кухню, но Джерри хватает ее за руку и усаживает себе на колени. Дотянувшись своей длинной рукой до кушетки, берет толстый том и, раскрыв его, кладет на колени Гитель.

ГИТЕЛЬ (сидит хмурясь, смотрит на книгу): Что это?

ДЖЕРРИ: Это Кливенджер. Гражданское Положение штата Нью-Йорк, которого я не знаю, составляет вот эту книжонку и еще целую библиотеку. Сдавать

квалификационный экзамен в Нью-Йорке! Здесь тебе распиливают череп и копаются в нем два дня подряд. А я...

ГИТЕЛЬ: Джерри, знаешь, чего в тебе больше чем достаточно? Недостатка веры в себя.

ДЖЕРРИ: Прекрасно сказано!

ГИТЕЛЬ: Я ей-богу не понимаю, ты же был известным адвокатом в Неваде, чего ты боишься?

ДЖЕРРИ: В Небраске, дорогая. (целует ее в шею)

ГИТЕЛЬ: Ну в Небраске, какая разница?

ДЖЕРРИ: Разница почти в тысячу миль. Знаешь, ты и без этого чертового мыла пахнешь на два с половиной доллара.

ГИТЕЛЬ (извиваясь): Оставь, мне щекотно, Джерри, я же говорю серьезно...

Джерри поворачивает к себе ее лицо и целует в губы.

(перестает отбиваться и, закрыв глаза, сдается) А, чтоб тебя!

Кливенджер соскальзывает на пол. Долгий поцелуй. И вдруг - резкий звонок телефона. Гитель вздрагивает, но Джерри еще крепче прижимает ее к себе. Снова звонок.

ГИТЕЛЬ (вырывается и сердито смотрит на телефон): Это тебя.

ДЖЕРРИ (небрежно): Пусть. Мы никого к себе не впустим. (обнимает ее)

Телефон звонит снова.

ГИТЕЛЬ: Я так не могу!

ДЖЕРРИ (спустив ее с колен, подходит к телефону, снимает трубку и кладет рядом): Так лучше?

ГИТЕЛЬ: А, черт! (проскальзывает мимо него и хватает трубку. Воинственным тоном) Да, алло!

ДЖЕРРИ (гневно): Брось трубку сейчас же!

ГИТЕЛЬ: Наконец-то! Неужели нельзя было позвонить раньше?..

Джерри быстро выхватывает у нее трубку и хочет положить на рычажок.

Это Ларри, идиот!

Джерри смотрит на нее растерянно, подносит трубку у уху, слушает и отдает ей.

Алло!.. Нет, мы думали, что это... здешний домовладелец. Так что же тебе сказали в клубе?.. Сколько?!

Джерри подходит к окну, за которым уже стемнело.

(не отрывает от него глаз) Но слушай, это же невозможно... Нет, может, попробуем поговорить с Генри Стритом, но сейчас мне не до того, Ларри, я только что села обедать, я позвоню тебе позже... Да, чердак мне, конечно, не по карману, но это долгий разговор, мне сейчас некогда... (кладет трубку и стоит возле телефона)

Джерри отходит от окна, у стола залпом выпивает стакан вина. Оба стоят

неподвижно и молчат. Гитель не сводит с него пристального взгляда.

ДЖЕРРИ (отрывисто): Я накричал на тебя, прости.

ГИТЕЛЬ: Что эта стерва тебе сделала?

ДЖЕРРИ (круто обернувшись): Стерва? (не сразу, утрюмо) Вышла за меня замуж, помогла мне кончить юридический факультет, поддерживала меня в трудные минуты. Любила меня так, как никто никогда не любил и не полюбит. Она не стерва. Не нужно называть ее так.

ГИТЕЛЬ (уязвленная): Ты и смылся из Небраски, потому что она такая замечательная?

ДЖЕРРИ: Я смылся потому, что не мог жить в одном городе с ней и ее женихом.

ГИТЕЛЬ: Словом, улепетываешь от них куда глаза глядят.

ДЖЕРРИ: Если начинать новую, совсем иную жизнь означает, по-твоему, улепетывать, то да, улепетываю.

ГИТЕЛЬ: Так пора остановиться. Ты уперся в Атлантический океан.

ДЖЕРРИ: А я уже никуда не бегу.

ГИТЕЛЬ: Нет, бежишь. Почему ты не хочешь говорить с ней по телефону?

ДЖЕРРИ (оборачивается и смотрит ей в глаза): Потребуй это от меня. Потребуй, и может, ради тебя я соглашусь. Хочешь, чтобы я поговорил с ней.

ГИТЕЛЬ: Она твоя жена.

ДЖЕРРИ: Ты хочешь этого?

ГИТЕЛЬ: Телефон твой.

ДЖЕРРИ: Ты хочешь? Да или нет?

ГИТЕЛЬ: Нет!

ДЖЕРРИ (после паузы): Хочешь, чтобы я остался работать у Фрэнка Таубмена?

ГИТЕЛЬ: Нет!

ДЖЕРРИ: Так чего же ты от меня хочешь?

ГИТЕЛЬ: Ни-че-го. (закуривает сигарету и глубоко затягивается)

Джерри, проходя мимо, выдергивает сигарету у нее изо рта и тушит в пепельнице. Гитель, разозлившись, достает из пачки другую.

ДЖЕРРИ: Зачем ты куришь? Ты же знаешь, это вредно для желудка.

ГИТЕЛЬ: Я сама слежу за своим желудком. Мы с ним почти тридцать лет вместе и прекрасно живем! (закуривает вторую сигарету)

ДЖЕРРИ (наблюдает за ней с каменным лицом и вдруг вспыхивает): Перестань быть такой твердокаменной, черт тебя возьми!

ГИТЕЛЬ: Что?!

ДЖЕРРИ: Мне надоело это идиотское занятие - заботиться о тебе и твоим слабым здоровье. Черта с два оно слабое! Ты крепкая, как стальной канат.

ГИТЕЛЬ: Надо же кому-то из нас быть крепким.

ДЖЕРРИ (глядит на нее жестким взглядом; тон его ровен, но беспощаден): А кому-то лучше и не быть. Ты живешь совсем не прекрасно, ты все время врешь самой себе. День за днем ты ищешь какого-то заработка, хватаешься то за одно, то за другое, мечешься от мужчины к мужчине - прекрасная жизнь! И ничего у тебя не выходит, а мужчины удирают а Тэлесси. Может, ты еще и сама купила ему билет?

Вопрос задан просто в насмешку, но изумленно раскрывшийся рот Гитель служит утвердительным ответом.

Бог мой, ты и вправду заплатила за билет! Ты оплачиваешь дорогу, и всякая мразь норовит проехаться на дармовщину. А ты никак не можешь понять, почему эти прогулочки кончаются так быстро, верно? Я тебе скажу, почему. Когда человек протягивает тебе руку, ты кладешь в нее подаяние. Уж лучше бы ты в нее плевала! Они берут от тебя, что им нужно, и выходят на следующей станции. Сколько их переспало с тобой по пути? Двадцать пять? (ждет) Пятьдесят?

Гитель молча смотрит на него расширенными глазами, но он неумолим.

Пятьсот? Это уже не игрушки, ты не девчонка, ты на грани кошмара, и ты одна на всем белом свете. Кому до тебя дело, кроме меня? Не плюй мне в руку, Гитель, даже если ты не понимаешь, как она тебе нужна. И хоть раз в жизни потребуй чего-то от человека, потребуй по-настоящему, тогда, быть может, случится то, чего ты и не ждешь.

Пауза. Гитель, побледневшая, смотрит на него пристально, но не отвечает. Голос Джерри суров.

Ты поняла меня?

ГИТЕЛЬ (срывающимся голосом): Да... (но тут же, преодолев смятение, усмехается) Ты просто отличный адвокат, Джерри, зря ты скромничаешь! Можешь спокойно сдавать экзамен.

ДЖЕРРИ: Ты не поняла ни единого слова...

ГИТЕЛЬ: Прекрасно все поняла и, ей-богу, на месте присяжных заседателей я бы упекла себя за решетку лет на пять! (встает и хочет пройти в кухню)

ДЖЕРРИ (хватает ее за руку выше локтя): Я ведь не шучу!

ГИТЕЛЬ: Что тебе от меня нужно? Пусти!

ДЖЕРРИ: Ты должна нуждаться в чьей-то поддержке!

ГИТЕЛЬ: Пусти, Джерри, мне больно...

ДЖЕРРИ: Тебе нужна поддержка, слышишь?

ГИТЕЛЬ: Зачем? Пусти, а то я закричу.

ДЖЕРРИ: Не закричишь. Ты...

ГИТЕЛЬ: Помогите!

Джерри отпускает ее. Она, спотыкаясь, отходит. От боли на глазах у нее выступили слезы. Осматривает руки.

ДЖЕРРИ: Сумасшедшая! Сейчас кто-нибудь прибежит!

ГИТЕЛЬ: Не прибежит, это - Нью-Йорк. (показывает ему руки. Голос ее дрожит) Смотри, медведь долговязый, я буду вся в синяках. Надо мне поскорее уносить ноги, пока ты меня не избил.

ДЖЕРРИ: "Избил"... Этого ты привыкла ожидать от своих любовников?

ГИТЕЛЬ: Я привыкла ожидать самого худшего! От мужчины я всегда жду самого худшего! (еле сдерживая слезы) Почему же ты не подошел к телефону, если ты такой сильный?

ДЖЕРРИ: А ты этого хочешь?

ГИТЕЛЬ: Я не знаю своих прав, это трудный вопрос: зачем я буду подставлять свою голову под удар...

ДЖЕРРИ (непреклонно): Ты хочешь?

ГИТЕЛЬ: Я тоже непременно достану себе работу. Неужели это такое преступление? Только потому, что... я... (слезы, наконец, хлынули у нее из глаз; она отворачивается, стараясь скрыть их, но безуспешно)

ДЖЕРРИ (растрогано): Гитель... прости, я сам не знаю, что наговорил.

ГИТЕЛЬ (круто обернувшись к нему): Ладно, ладно - хоть плачь, хоть кричи до бесчувствия, все равно никто не придет. На кого я могу рассчитывать, кроме самой себя?

ДЖЕРРИ: На меня, Гитель.

Звонит телефон. Джерри смотрит на него, но не двигается с места. Гитель сдерживает рыдания и ждет, что будет дальше. Снова звонок.

ГИТЕЛЬ: Эх, ты! Положись на тебя - и угодишь в глубокую яму где-нибудь в штате Невада. (подходит к столу и хочет потушить сигарету в пепельнице)

ДЖЕРРИ (перехватывает у нее сигарету и идет к телефону, берет трубку): Да?.. Да, я... Хорошо. (Ждет, пока его соединят)

Гитель стоит неподвижно.

(глубоко затягивается сигаретой - это ему сейчас необходимо. Услышав голос в трубке, он резко вскидывает голову) Здравствуй, Тесс... (тон его становится подчеркнуто небрежным) Нет, и в прошлый и в позапрошлый раз мне просто не хотелось разговаривать с тобой. Сейчас я говорю потому, что меня очень просили... Это что, женская интуиция?.. Да, ты права, это она просила...

Гитель начинает бесшумно убирать со стола, уносит тарелки в кухню.

...Ее зовут Гитель... Да, очень... Я не собираюсь оставаться холостяком до конца моих дней, и тебе это счастья не прибавит. А год холостяцкой жизни в вашем доме мне тоже счастья не прибавил... Насчет развода? (иронически) Жаль, что я не могу защищать твои интересы в суде, это было бы сущим удовольствием. А для себя я бы нанял самого лучшего адвоката, чтобы выкачать из твоего отца побольше денег... (с раздражением) Пусть он запишет их себе в... сейф. Если мне понадобятся деньги, я их заработаю... Да, работа у меня есть, сегодня я договорился. Девушка, квартира, работа - все условия для новой жизни... Я не намерен протестовать против развода. Скажи Люциану, пусть подает, когда хочет, я пришлю согласие. Чем скорее, тем лучше... А я вовсе не заинтересован в сохранении дружбы с тобой и твоим женихом, придется вам довольствоваться друг другом... (сквозь зубы) Тесс, ты думаешь, что вонзив в человека нож, ты можешь оставить по себе хорошие воспоминания? (следя за сигаретой, которую он курит, мы видим, чего стоит ему этот разговор. Он сдерживает себя изо всех сил. Устало) Тесс, неужели ты позвонила мне с другого конца континента, чтобы спросить о мебели?.. Ну, если дом полон призраков, подожги его, а страховку разделим пополам...

Гитель входит и убирает со стола остатки обеда.

(его голос срывается) Я не бесчувственный, я просто не хочу, чтобы и меня преследовали призраки. Боже мой, ты ведь уже сделала выбор, перестань же держать рукой мое сердце!..

Гитель застывает при этих словах.

(закрывает глаза от душевной боли) Тесс... не надо... прошу тебя... (их разъединяют. Джерри смотрит на трубку и медленно кладет ее на место; он весь

в поту, на глазах у него слезы, он затягивается сигаретой, руки его дрожат. Он не смотрит на Гитель. Гитель пальцами тушит свечи на столе - сначала одну, потом другую. Комната освещена теперь только светом, падающим из кухни. Гитель молча ложится на тахту лицом вниз и не шевелится)

Гитель!

Гитель не отвечает.

(подходит и кладет руку ей на голову)

Гитель порывисто отстраняется.

Гитель, я...

ГИТЕЛЬ (внезапно): Это вовсе не то, что ты думаешь.

ДЖЕРРИ: Ты о чем?

ГИТЕЛЬ: Ларри говорит, что тот клуб, где мы хотели устроить свой концерт, требует шестьсот двадцать пять монет за вечер. А я не могу заплатить даже шестидесяти долларов в месяц за паршивый чердак!

Снова молчание.

ДЖЕРРИ (нетвердым голосом): Нет, мы не птицы, чтобы цепенеть от взгляда змеи. (дергает шнур верхней лампы, комнату заливают яркий свет. Стоит в нерешительности) Гитель! Обернись! Пожалуйста.

Гитель не шевелится.

Посмотри на меня.

Гитель слегка поворачивает голову и смотрит на него блестящими глазами.

Не притворяйся. Тебе больно и не надо скрывать.

ГИТЕЛЬ: Что-что?

ДЖЕРРИ: Ведь я могу... утонуть в этом колодце. Ты мне нужна.

ГИТЕЛЬ: Зачем?

ДЖЕРРИ: Мне нужно ухватиться за чью-то руку. Как я выкарабкаюсь без тебя, где найду... опору, для кого буду работать, что строить? Я здесь в тюрьме, и я... во мне что-то надломилось. Гитель, скажи, что я тебе нужен. Хотя бы, чтобы снять паршивый чердак.

ГИТЕЛЬ (долго смотрит на него, потом говорит чуть слышно): Конечно, мне больно. Ведь мне ты этого никогда не скажешь.

ДЖЕРРИ: Чего?

ГИТЕЛЬ: Что я... держу в руке твое сердце.

Пауза.

ДЖЕРРИ: Гитель, сделай хоть шаг мне навстречу.

ГИТЕЛЬ (криво улыбнувшись): Иными словами, пойти с тобой посмотреть чердак, да? Ладно. Да потуши же этот проклятый свет!

Джерри дергает за шнур.

Иди сюда, корнишон несчастный!

Джерри подходит, она обвивает его шею руками и привлекает к себе; и для каждого объятия другого - как гавань, как убежище, как благотворное тепло оранжереи.

Картина вторая.

Обе комнаты.

Прошло несколько недель. Полдень холодного декабрьского дня. Обе комнаты отапливаются; у Гитель горит газовый камин, прикрепленный к стене, у Джерри - новая керосиновая печка, стоящая в центре. Комната Гитель пуста, дверь распахнута настежь. Джерри лежит на кушетке среди вороха каких-то бумаг и говорит по телефону, прижав трубку к уху плечом.

ДЖЕРРИ: Да... Это такой же спорный вопрос, как в деле Мак-Каллера против Айовской компании перевозок, если только истец является грузополучателем... Правильно, они апеллировали и апелляция была удовлетворена. Но при всем том у этой бражки мало шансов поживиться за его счет, мистер Таубмен. Я думаю, что... Да?.. Хорошо, буду называть вас Фрэнком. Так вот, Фрэнк, мне думается, что в данном случае не может быть и речи об уплате... Вы правы, пришлось перевернуть все их дело вверх ногами, а эта позиция всегда открывает новую точку зрения на предмет... Гм, спасибо... Нет, это для меня сушая неожиданность, что я вдруг оказался экспертом в среднезападной юриспруденции... Я понимаю, что это доказывает, - это доказывает, что экспертом может быть любой болван, которого занесло далеко от дома...

В комнате Гитель звонит телефон.

Нет, сдавать квалификационный экзамен для меня все равно, что дать продолбить себе дырку в черепе, - зачем, собственно?.. Почему они должны принять меня в коллегия по поручительству?.. Да, я знаю, как это делается: вы даете поручительство, я предоставляю полный грузовик свидетельств из Небраски. Вероятно, я смогу добыть свидетельства, хотя насчет грузовика сомневаюсь... Если это избавит меня от экзамена, то конечно. Только чего ради вы будете давать за меня поручительство?.. Постоянная работа... понимаю... И сколько они будут мне платить? Так, символически... Шесть с половиной тысяч чего?... Двухдолларовых бумажек?.. Маловато, мистер... то есть Фрэнк. Если я стою того, чтобы приглашать меня на постоянную работу, значит, цена мне по крайней мере семь с половиной, а если меня предварительно еще и распнут, то и все восемь, так что надо начинать разговор с девяти...

В комнате Гитель опять звонит телефон.

Я говорю совершенно серьезно, я не жажду, чтобы меня распинали... Нет, не на кресте, а на квалификационном экзамене. Если вы согласны дать мне поручительство, я постараюсь раздобыть в Омахе свидетельства...

В это время Гитель, в бесформенном халате, вбегает из передней в комнату и бросается к телефону. У нее пышные белые усы - это крем для

обесцвечивания волос. Чувствуется, что она чем-то подавлена.

ГИТЕЛЬ: Да, алло!.. А, Софи, здорово...

ДЖЕРРИ (взглянув на часы): ...Да, я смогу взять такси...

ГИТЕЛЬ: ... Хорошо, что ты позвонила. Слушай, сколько времени надо держать эту пакость? Я похожа на старичка полковника из Кентукки...

ДЖЕРРИ: ...Нет, все равно я собирался привезти после завтрака выписки дел Картона...

ГИТЕЛЬ: ...Ужасно щиплет...

ДЖЕРРИ: ...Ладно, значит, в баре Сент-Реджис в четверть...

ГИТЕЛЬ: ...Какой старый знакомый?.. Сэм?..

ДЖЕРРИ: ...Да. Ну, до скорой встречи. (кладет трубку, смотрит на часы и набирает номер)

ГИТЕЛЬ: ...Зачем же ты сказала ему, что это всерьез и надолго? То есть, откуда ты знаешь, что это всерьез и надолго, когда я и сама не знаю?.. Ну и пошли их ко всем чертям... Нет, ничем не расстроена. А что, у меня расстроенный голос?

ДЖЕРРИ (в трубке сигналы "занято"): Ну, ясно - Софи повисла на телефоне. (кладет трубку и выходит за дверь)

ГИТЕЛЬ: ...Сказать по правде, живот, конечно, побаливает... Нет, все прелестно... О, она выходит замуж за другого... Ну уж не знаю, как меня угораздило встрять в эту путаницу, но в общем это не такая уж путаница... Нет, Уолли был совсем другой... Милтон тоже был совсем другой... Какой Макс? (потянувшись за кружкой молока, отпивает несколько глотков) Слушай, разве кто-нибудь из них занимал мне чердак?.. Ну да, тот действительно приводил ко мне какого-то мистера Гудбара и взял у меня займы семьдесят четыре доллара, только я их и видела! Дело в том, что я - прирожденная жертва. Дожила почти до тридцати лет и только теперь об этом узнала...

Джерри снова входит в свою комнату, перебирая пачку писем, среди которых небольшой голубой конверт. Бросив куда попало остальные письма, Джерри вскрывает конверт и начинает читать. Он встревожен.

ГИТЕЛЬ: ...Кто же против того, чтобы это было всерьез и надолго?.. Ты что, думаешь, я совсем с ума сошла? Тащить его в гости к маме? Да он тут же удерет из Нью-Йорка на первом попавшемся воздушном шаре!.. Ты не понимаешь - он, например, играет в гольф. Я еще не знала никого, кто бы играл в гольф... Много ты понимаешь!.. Он все успевает и все умеет! Целый день сидит и решает свои судебные головоломки, а вечером приходит ко мне на чердак и подметает там пол. Как тебе это нравится?.. Конечно! В этом месяце я выручила за чердак двадцать два доллара, и еще Молли хочет вести там детский балетный класс, она начнет на этой неделе...

ДЖЕРРИ (взглянув на часы, идет к телефону и набирает номер - одну цифру): Междугородняя?.. Мне нужно вызвать Омаху, штат Небраска, телефон Атлантик 5-75-6...

ГИТЕЛЬ (уныло): Да, я работаю над концертной программой... Ну, стараюсь, во всяком случае...

ДЖЕРРИ: Мой телефон - Алгонкин 4-60-99...

ГИТЕЛЬ: ...Трудно начинать снова после такого перерыва, понимаешь...

ДЖЕРРИ: ...Да, буду ждать. (кладет трубку, подносит письмо к лицу и с тоской вдыхает его запах)

ГИТЕЛЬ: ...Может, я вместо того займусь гольфом... Конечно, он с ней говорит по телефону... Насчет развода. Она сама не знает, чего хочет...

Софи, это я велела ему говорить с ней по телефону, что ты плетешь!.. Софи, от тебя, ей-богу, с ума можно сойти!.. Потому что ты меня изводишь, вот что!.. Ну, так не будь мне другом, будь врагом, только не приставай ко мне! (со злостью бросает трубку, но тут же снова набирает номер)

Не успевает набрать последнюю цифру, как в комнате Джерри звонит телефон.

ДЖЕРРИ: Да?.. Спасибо.

ГИТЕЛЬ (в трубке слышит "занято"): А, черт! (положив трубку, берет одежду и уходит в ванную)

ДЖЕРРИ: Привет, Рут. Хозяин у себя? Скажи, что его просит зять... Тот, который в отставке... Спасибо, Рут, я тоже скучаю по вам и остальным... Здравствуйте, Люциан, как живете? Только ради бога не отвечайте на этот вопрос... (отводит трубку от уха) Нет, благодарю, работа у меня есть, мне даже предложили вступить в нью-йоркскую коллегия адвокатов без квалификационного экзамена, по поручительству... Разумеется, скажите Тесс. Она думает, что у меня на плечах только ее голова... Я звоню, чтобы узнать о ней. Я получил от нее письмо со штемпелем Сент-Джо. Что она делает в Сент-Джо?.. (отводит трубку от уха) Не могло же письмо само приехать туда и отправить себя по почте. Я ей недавно звонил домой, никто не ответил. Когда вы ее видели, Люциан?.. Куда уехала на три дня?.. Просто кататься на машине?.. Вам следовало бы уделять ей больше времени; лучше уж вы, чем никого... Слушайте, не обязательно проявлять заботливость таким громовым голосом. Говорить с вами по телефону - все равно что упражняться с гириями... (отводит трубку от уха) Деньги - это еще не все. Я многое могу сказать вам по этому поводу, когда-нибудь специально позвоню вам за ваш счет... Нет, с ней не все в порядке, это чувствуется между строк... Какая девушка?.. Конечно, у меня есть тут девушка, я сообщил об этом Тесс... Вы хотите сказать, что именно с тех пор она так... Опустошена? Почему?.. Боже мой. Люциан, я ждал год, целый год, пока у меня не осталось ни грамма самоуважения! Ни одного грамма! И я почувствовал, что погибаю... Она так и сказала - брошена?.. Интересно, как это можно бросить невесту другого человека? Передайте ей, что я приеду на свадьбу... Люциан, слушайте! Присматривайте за ней, хорошо? Я для того и позвонил, чтобы сказать вам это... И передайте ей привет...

Гитель входит в комнату уже одетая. Джерри кладет трубку, хватая пальто, шляпу и портфель, смотрит на часы и торопливо набирает номер по телефону. Гитель тоже снимает трубку и набирает номер, и Джерри слышит сигнал "занято".

ДЖЕРРИ: А, черт! (бросает трубку и выбегает из комнаты)

Его телефон звонит раз, другой. Гитель в своей комнате, проложив трубку к уху, смотрит на аппарат с нарастающим негодованием. После третьего звонка Джерри вбегает в свою комнату, берет трубку и слышит голос Гитель, которая говорит самой себе.

ГИТЕЛЬ: С ума сойти, ты же только что был дома!

ДЖЕРРИ: Я дома.

ГИТЕЛЬ: О, Джерри!

ДЖЕРРИ: Я звонил тебе два раза. Неужели у Софи не дела поважнее, чем болтать с тобой?

ГИТЕЛЬ: Очевидно, нет. А я звонила тебе три раза. С кем ты столько времени молчал языком?

ДЖЕРРИ: Я говорил с Омахой.

ГИТЕЛЬ: Как, опять?

ДЖЕРРИ (после паузы): Что значит - опять? Я получил странное письмо от Тесс, она...

ГИТЕЛЬ: Ты спрашивал ее о разводе?

ДЖЕРРИ: Нет. Я говорил с Люцианом и не успел спросить. С Тесс что-то неладно, ее отец говорит, что она...

ГИТЕЛЬ (торопливо): Джерри, я должна бежать на чердак. Мне некогда, говори скорее, зачем ты мне звонил?

ДЖЕРРИ: По-моему, это ты мне позвонила.

ГИТЕЛЬ: Кто, я?

ДЖЕРРИ: Ну, не важно. Я звонил Люциану потому, что надо было узнать, что же там происходит. Он говорит, что Тесс прячется от всех и никого не хочет видеть...

ГИТЕЛЬ: Джерри, я спешу, позвони мне завтра.

ДЖЕРРИ (немного растерявшись): Почему не сегодня вечером?

ГИТЕЛЬ: Я оттуда поеду прямо к маме - сегодня пятница.

ДЖЕРРИ: А что такого особенного у мамы в пятницу?

ГИТЕЛЬ: Фаршированная рыба. Прощай!

ДЖЕРРИ (протестуя): Постой, ведь мы же с тобой условились...

Но Гитель уже повесила трубку.

(глядя на умолкший телефон, упавшим голосом доканчивает) ...пообедать.
(еще секунда и он тоже кладет трубку)

Гитель медленно отходит от телефона; Джерри смотрит на часы обоим не хочется уходить. Гитель останавливается, Джерри медлит у телефона; их одолевает искушение позвонить еще раз. Секунда грустного раздумья, и оба уходят в противоположных направлениях.

Картина третья.

Комната Гитель.

Сейчас уже февраль, поздний субботний вечер; в обеих комнатах темно, и на стенах мелькают отсветы огней ночного заснеженного города. Комнаты пусты; затем в комнате Гитель слышится звук поворачиваемого ключа, входная дверь распахивается и на пороге виден силуэт Гитель, неподвижный и одинокий. Некоторое время она стоит, прислонясь всем телом к дверному косяку, потом, сделав над собой усилие, отталкивается и неуверенным шагом входит в комнату. В волосах ее и на пальто блестят снежинки. Она роняет сумочку на пол, ощупью при тусклом свете, падающем с лестничной площадки, обходит тахту и в кухне наливает в стакан воды из крана. Жадно выпив, наливает второй стакан, пьет, потом возвращается в комнату и садится на тахту, опустив голову на руки. Немного погодя зажигает настольную лампу, берет записную книжку и, найдя нужный номер, набирает его.

ГИТЕЛЬ (голос у нее усталый, нетвердый): Можно доктора Сегена?.. Что

значит - кто? Я говорю, а кто вы?.. То есть это действительно квартира доктора Сегена или вам вздумалось меня разыграть?.. Тогда нельзя ли позвать доктора Сегена?.. Да, очень срочно... Гитель Моска, я у него лечилась. Передайте ему, пожалуйста, что мне очень плохо... Мой телефон - Кэнел 6-20-98... Спасибо. (кладет трубку и, не снимая пальто, валится на тахту. Свет лампы бьет ей в лицо; она, не глядя, нащупывает выключатель и тушит ее. Лежит в темноте, локтем прикрыв лицо)

На лестничной площадке появляется Джерри, в пальто и шляпе. Он молча подходит к двери и останавливается на пороге. На его плечах и шляпе толстый слой снега. Заметив на полу сумку Гитель, поднимает ее; видит ключ, торчащий в замке, выдергивает его.

(услышав этот звук, испуганно приподнимается на локте) А, Джерри, здорово! Ты что, с неба упал?

Джерри угрюмо смотрит на нее.

(веселым, почти игривым тоном) Как ваша вечеринка? Тебе было весело?

ДЖЕРРИ: Наверное, не так, как тебе. Ты что, надралась?

ГИТЕЛЬ (хихикнув): Да, вроде немножко перебрала. Весь вечер меня жгла эта страшная жажда, знаешь, и я не переставала думать, то есть, не подумала перестать.

ДЖЕРРИ (положив ключ в сумку, швыряет ее на постель, не снимая шляпы, молча идет к окну и прислоняется к подоконнику): Давай покончим с этим сразу: кто был тот борец?

ГИТЕЛЬ: Какой борец?

ДЖЕРРИ: Тот, с бычьей шеей, который сейчас привел тебя домой?

ГИТЕЛЬ: Джюк? (садится на тахте) Он не борец, он художник-абстракционист.

ДЖЕРРИ: Почему ты его целовала на прощанье? Из любви к абстрактной живописи?

ГИТЕЛЬ (широко открыв глаза): А ты откуда знаешь?

ДЖЕРРИ: Я был в двух шагах от вас. Даже меньше.

ГИТЕЛЬ: Не я его поцеловала, а он меня. Но разве ты не был на вечеринке у Фрэнка Таубмена?.. (пытается встать, но опять садится. Ее знобит) Милый, зажги, пожалуйста, газ. Мне страшно холодно.

Джерри колеблется, затем достает спички, садится на колени перед газовым камином. Гитель пьет воду из стакана.

ДЖЕРРИ (поднявшись, хватая ее за руку): Хватит, ты и так пьяна!

ГИТЕЛЬ: Это вода!

Джерри отбирает у нее стакан, пробует и отдает обратно.

(усмехается) В чем дело, ты мне не веришь?

ДЖЕРРИ: Тебе верить! Ты пробыла у него в подвале на Бликер-стрит целый час.

ГИТЕЛЬ (изумленно): Откуда ты знаешь?

ДЖЕРРИ: Что он тебе там показывал? Гениальные картины, гениальные приемы борьбы? Что?

Гитель не отвечает.

(дернув за шнурок выключателя, зажигает лампу. Садится на тахту и поворачивает лицо Гитель к свету) Говори же, что?

Гитель молча смотрит ему в глаза. Джерри вглядывается в ее лицо. Пауза. Гитель готова разрыдаться у него на плече, но вместо того невесело усмехается.

ГИТЕЛЬ: Ну и что, ты прочел свою судьбу?

ДЖЕРРИ: Нет, твою. И она не такая, как мне хотелось бы. Я вижу тебя растоптанной - этого ты и добиваешься, да?

ГИТЕЛЬ (с раздражением): Ах, ты господи, я выпила рюмок шесть. По-твоему, это значит, что я погубила свою жизнь?

ДЖЕРРИ: Выпить иногда полезно, я не о том. Ты с ним путаешься?

ГИТЕЛЬ: Ты бы снял шляпу и посидел со мной спокойно. (снимает с него шляпу и гладит пальцами его лоб и щеку) Бедненький мой, ты...

ДЖЕРРИ (отталкивает ее руку): Ты с ним спуталась.

ГИТЕЛЬ: Тебе не хочется плакать? Мне хочется.

ДЖЕРРИ (угрюмо): Подлости не растворяются в слезах, иначе этот город был бы сплошной грязной лужей. Ведь ты с ним спала?

ГИТЕЛЬ (поворачивается спиной к нему, зарывшись лицом в подушку): Мы же с тобой знаем, что я тупица, так что говори проще, чтобы всякая нормальная тупица тебя поняла.

ДЖЕРРИ: Еще проще.

ГИТЕЛЬ: Да.

ДЖЕРРИ: Хорошо. Он тебя взял?

Гитель, отвернувшись, лежит молча с открытыми глазами.

Я спрашиваю - он тебя...

ГИТЕЛЬ: Ну а если и так, мир перевернулся, что ли? (все-таки встает, чтобы отойти от него, но, пошатнувшись, падает на стул)

ДЖЕРРИ (сидит неподвижно, прижав пальцы к глазам, ему не сразу удается справиться с собой): Может быть. Мой мир - да. (не в силах подавить злость, он смахивает стакан с ночного столика и, вскочив на ноги в смятении и ярости становится перед ней) Зачем? Зачем?

ГИТЕЛЬ (устало): Не все ли равно.

ДЖЕРРИ: Нет, не все равно, потому что я на распутье, и от тебя зависит, куда я поверну свою жизнь! И ты тоже на распутье, но ты спокойно смотришь, как твоя жизнь утекает в море через канализационную трубу. Тебе на это наплевать, да?

ГИТЕЛЬ: Не знаю, я...

ДЖЕРРИ: И на меня наплевать?

ГИТЕЛЬ: О, Джерри, я...

ДЖЕРРИ: И на себя?

ГИТЕЛЬ: Знаешь, у меня другие заботы, ...

ДЖЕРРИ: Зачем ты это сделала?

ГИТЕЛЬ: Не знаю я, зачем. Да и кто сказал, что я это сделала?

ДЖЕРРИ (яростно): Ты доведешь меня до того, что и я запью! Было это или нет?

ГИТЕЛЬ: Ну, он может, и переспал со мной, но я с ним - нет.

ДЖЕРРИ (пристально глядит на нее и, стараясь не выходить из себя,

крепко стискивает губы): Хорошо, начнем сначала. Почему ты оказалась у него?

ГИТЕЛЬ: Это долго рассказывать. Я встречалась с Джюком года два-три назад...

ДЖЕРРИ: К черту исторический обзор! Начинай с сегодняшнего вечера.

ГИТЕЛЬ: А сегодня я выпила лишнее. Должно быть, это был тот случай, когда прошлое оживает...

ДЖЕРРИ: Оживает?

ГИТЕЛЬ: Ты это знаешь по себе.

ДЖЕРРИ: Да, я знаю, я большой знаток таких вещей, особенно с сегодняшнего вечера. Зачем ты пила?

ГИТЕЛЬ (неохотно): Ты же пошел веселиться к своему Фрэнку Таубмену.

ДЖЕРРИ: Только поэтому?

ГИТЕЛЬ: Подумаешь, очень надо было туда идти!

ДЖЕРРИ: Я бы не пошел, если б не эта канитель со справками из Омахи. И ушел оттуда, как только смог, чтобы зайти за тобой к Софи. И вдруг вижу - ты выходишь с ним и хихикаешь, будто тебя щекочут!..

ГИТЕЛЬ (с негодованием): Я же тебе говорю - я надралась! Тебе нужно письменное признание?

ДЖЕРРИ: Ты не надралась, ты спустила нас обоих в унитаз без всяких на то причин и уж не из-за вечеринки у Таубмена. Я хочу только знать...

Гитель с трудом встает и хочет от него уйти.

Нет, погоди! Я с тобой говорю!

ГИТЕЛЬ: Ну говори. На то ты и адвокат!

ДЖЕРРИ: Когда со мной что-нибудь случается дважды, я хочу знать, почему. Я должен понять, что я сделал на этот раз, чем ты недовольна?

ГИТЕЛЬ: Я недовольна? Это ты недоволен.

ДЖЕРРИ: Боже мой, разве ты мне сейчас не дала оснований?

ГИТЕЛЬ: Не отвлекайся от сути.

ДЖЕРРИ: Это и есть суть. Я говорю о тебе и о себе.

ГИТЕЛЬ: А я говорю о твоей жене.

Молчание. Гитель ходит по комнате, потирая живот.

ДЖЕРРИ (гораздо более спокойным тоном): Ладно, поговорим и о ней. Она тоже интересуется тобой, я буду чем-то вроде междугородней линии. Так что ты хочешь о ней сказать?

ГИТЕЛЬ: Я видела счет с междугородней станции за прошлый месяц. Омаха, штат Небраска, 9 долларов 81 цент. Омаха, штат Небраска, 12 долларов 63... Что же ты мне не сказал, что вы с ней чемпионы мира по разговорам?

ДЖЕРРИ: Мне не хочется бросать ее одну, Гитель, ей сейчас очень трудно.

ГИТЕЛЬ: А кому легко? У меня болит голова, оставь меня в покое.

ДЖЕРРИ: Значит, выходит так: я изменяю тебе по телефону со своей женой, мои телефонные счета толкают тебя в постель этого жука, как его там...

ГИТЕЛЬ: Джюк.

ДЖЕРРИ: Я и говорю - жук! Ведь в конце концов ты вынудишь меня кинуться на Центральный вокзал и купить билет обратно, в Омаху. Тебе это не приходило в голову? Ты этого и хочешь - развязаться со мной? Чтобы на свободе рыскать за штанами, с которыми ты еще не переспала, если в Нью-Йорке остались такие?..

Гитель вдруг рухнула ничком поперек тахты и лежит, затихшая.

(Джерри смотрит на нее, и злость его проходит, он борется с чувством жалости и наконец со вздохом сдается) Ладно. Ладно, отложим до завтра. Доругаемся, когда ты будешь держаться на ногах. (бросив шляпу на стул, он подходит к тахте, становится на колени и снимает с Гитель туфли)

ГИТЕЛЬ (этот добрый жест вызывает у нее приступ отчаяния, плечи ее затряслись, она горько всхлипывает): Ах, Джерри!..

ДЖЕРРИ: Ну что, что?

ГИТЕЛЬ: Я тебе больше не нравлюсь.

ДЖЕРРИ: Я тебя ненавижу, разве это недостаточно страстное чувство? Повернись.

Гитель послушно поворачивается. Он начинает расстегивать на ней пальто. Она отбивается, но он не обращает внимания.

ГИТЕЛЬ: Я могу сама!

ДЖЕРРИ: Это, конечно, огромная услуга, окажи мне милость и прими ее.

ГИТЕЛЬ (перестав сопротивляться): Ты меня ненавидишь.

ДЖЕРРИ: Не сказал бы.

ГИТЕЛЬ: Ты меня просто жалеешь.

ДЖЕРРИ: Почему ты думаешь, что ты такая жалкая? Тяни руку.

ГИТЕЛЬ (высвобождает руку из рукава): Если бы ты видел, как я пытаюсь танцевать на чердаке, ты бы сам убедился, до чего я жалкая. Я столько часов просиживаю там на полу, что у меня, наверное, уже на заду мозоли. Я все жду и жду, что придут какие-то идеи, а они не приходят, и я чувствую себя так, что меня бросили в одиночную камеру... И вот после стольких лет меня осенило. Знаешь, в чем дело?

ДЖЕРРИ (помолчав, мягко): У тебя нет таланта.

ГИТЕЛЬ (изумленно глядя на него): И ты все время это знал?

ДЖЕРРИ: Нет. Не знал. Я думал, что этот чердак поможет тебе, а оказалось, что проколол мыльный пузырь.

ГИТЕЛЬ: Если я не танцовщица, что же я такое?

ДЖЕРРИ: Поэтому ты и сходишь с ума? Повернись.

Гитель переворачивается на живот, он стягивает с нее пальто и начинает стягивать блузку на спине.

Хочешь кофе? Я сварю.

ГИТЕЛЬ (вздрагивает): Нет.

ДЖЕРРИ: Может, примешь рвотного? Надо очистить желудок.

ГИТЕЛЬ (сбрасывая с себя его руки, с внезапной злобой поворачивается на спину и устремляет на него яростный взгляд): Почему мы вечно говорим о моем желудке? У меня нет никаких других прелестей, да?

Джерри опять протягивает руку к пуговицам блузки.

Убирайся! (стягивает с себя наполовину расстегнутую блузку, но застревает в ней головой и беспомощно бьется в ней, как в мешке)

ДЖЕРРИ (с состраданием): Гитель. (хочет расстегнуть пуговицы, но она, почувствовав его руку, яростно отбивается)

ГИТЕЛЬ (глухо, сквозь блузку): Не желаю я никаких услуг от тебя! (отбиваясь, нечаянно попадает ему кулаком в живот)

Джерри убирает руку. Гитель срывает с себя затрепавшую блузку и отшвыривает в сторону, не глядя куда, блузка летит в лицо Джерри. Гитель ложится, натянув на голову пальто.

ДЖЕРРИ (после паузы): Очень жаль, что не желаешь. Мне потом пригодилось бы. (берет блузку, выворачивает рукава налицо и, повесив на спинку стула, останавливается, глядя на Гитель) Конечно, тебе нужно проспать, но лучше лечь под одеяло.

Гитель лежит не шевелясь.

Гитель!!!

Она молчит.

Мне уйти или остаться?

Ответа нет.

(выждав, берется за шляпу) Уйти. (взглянув на газовый камин, останавливается) Газ оставить или выключить?

Из-под пальто ни звука.

Оставить. Тебе что-нибудь от меня нужно?

Молчание.

Нет. Конечно, нет. (потушив лампу, идет к входной двери и открывает ее, но медлит на пороге. Потом со стуком захлопывает дверь, возвращается в комнату и бросает шляпу на стол)

ГИТЕЛЬ (садится на кровати и видит закрытую дверь. Тоскливый вопль): Джерри! Джерри!

ДЖЕРРИ (позади нее): Что?

ГИТЕЛЬ (быстро обернувшись, видит, что он уставился в окно. Возмущенно): Почему ты еще здесь?

ДЖЕРРИ: Не могу ждать до завтра. (схватив какой-то журнал, свертывает его в трубку и начинает шагать по комнате)

ГИТЕЛЬ (встав в кровати на колени, следит за ним взглядом): Что с тобой?

ДЖЕРРИ: Надо поговорить. Сегодня я звонил домой.

ГИТЕЛЬ: Ну и что она доложила про себя на этот раз?

ДЖЕРРИ: Я говорил не с ней. (продолжает ходить по комнате) Я не достану необходимых справок из суда, если не попрошу ее отца нажать на кого следует. Я ему позвонил, но у меня язык не повернулся просить. Не хочу возвращаться к прежнему!

ГИТЕЛЬ: Ура!

ДЖЕРРИ: Да, ура. Это значит, что меня не примут в нью-йоркскую коллегия адвокатов даже с рекомендацией Фрэнка Таубмена. Но я адвокат и хочу заниматься своим делом! Я должен вырваться из осточертевшего пыльного архива в судебный зал, но передо мной - глухая стенка! И единственный выход - сдавать в марте квалификационный экзамен.

ГИТЕЛЬ: Ну и сдай.

ДЖЕРРИ: Я боюсь, понимаешь? всю свою профессиональную жизнь я провел под крылышком Люциана, я не знаю, смогу ли я работать, не держась за его фалды, есть ли что-нибудь в голове у меня вообще. Сдавая экзамен, я делаю ставку на все. Если провалюсь, что тогда?

ГИТЕЛЬ: Но ведь другого выхода нет?

ДЖЕРРИ (медленно): Можно жить там, где я имею право на адвокатскую практику.

ГИТЕЛЬ (пристально смотрит на него, оба неподвижны. Откидывается назад, сев на пятки. Недоверчиво): Ты хочешь вернуться...

Звонит телефон.

(нервно оглядывается - она знает, кто это; к Джерри) Ну, дальше?

ДЖЕРРИ: Возьми же трубку.

ГИТЕЛЬ: Нет. Продолжай.

Звонок. Джерри направляется к телефону, держа в руке свернутый в трубку журнал.

Не подходи! Я все равно не стану разговаривать!

Джерри, пораженный взволнованной настойчивостью в ее голосе, останавливается, пристально смотрит на нее. Во время последующего разговора телефон звонит несколько раз и умолкает.

ДЖЕРРИ (резко): Кто звонит так поздно? Он?

ГИТЕЛЬ: Не знаю. Так ты поедешь туда или нет?

ДЖЕРРИ (разозлившись): А почему бы и нет? Там я буду зарабатывать втрое больше, чем здесь, там у меня будет работа, по которой я изголодался, и это очень соблазнительно. А что меня может соблазнять здесь? Твой жук? Сдавать экзамен, прошибать головой стенку, а на чем строить свою жизнь? На жуке, на пинке в живот, на зыбучем песке?

Гитель не отвечает, Джерри отворачивается к окну.

ГИТЕЛЬ (торопливо роется в сумочке, отыскивая пузырек с пилюлями): А как ты думаешь, в чем я увязаю по уши? Разве не в зыбучем песке? (идет в кухню, зажигает свет и ставит на газ кастрюльку с молоком)

ДЖЕРРИ (ей вслед): Почему же ты мне не расскажешь об этом? Если у тебя камень на душе, который тебя душит, неужели же проще спутаться с первой попавшейся гориллой? Как ты смеешь обращаться с собой, точно с рваным половиком, о который каждая сволочь может вытереть ноги?

ГИТЕЛЬ (потрясена его словами, но старается овладеть собой, выходит из кухни, как металл, отвинчивая на ходу крышку у пузырька с пилюлями): Ладно. Когда?

ДЖЕРРИ: Что - когда?

ГИТЕЛЬ: Когда ты едешь?

ДЖЕРРИ (сурово): Слушай! Не пытайся организовать и мне бегство в город Тэлесси, меня не так легко спровадить.

ГИТЕЛЬ: Надо же мне подумать и о своих планах.

ДЖЕРРИ: О каких еще планах?

ГИТЕЛЬ (беззаботно): Может, я опять подцеплю Джюка. Он для женщин - сущая находка, - ты понимаешь, что я имею в виду. Рассказать тебе - не

поверишь!

Джерри застывает как статуя. Гитель смотрит на него в упор с искорками злорадства в глазах. Внезапно он поднимает руку и бьет ее по лицу журналом. Гитель отшатывается и падает на кровать, уронив на пол пузырек с пилюлями.

ДЖЕРРИ (бешено): Тебе еще не так надо бы!.. Сейчас говори всю правду, слышишь?

Гитель, держась за щеку, смотрит прямо в глаза. Джерри, озираясь, замечает пузырек с пилюлями, поднимает, понимает, в чем дело. Идет в кухню. Наливает в кружку молоко, приносит и протягивает ей. Гитель берет кружку, не отрывая от него глаз.

ДЖЕРРИ (высыпает на ладонь пилюли): Сколько?

ГИТЕЛЬ: Две.

ДЖЕРРИ (дает ей две пилюли, она глотает их, запивая молоком. Остальные высыпает в пузырек): Если у тебя сильно болит живот, отчего ты не пойдешь к врачу?

ГИТЕЛЬ: Зачем я к нему пойду? Он скажет - избегайте волнений.

ДЖЕРРИ (привернув крышку, бросает пузырек на постель): Тебе очень плохо?

ГИТЕЛЬ: Мне вовсе не плохо!

ДЖЕРРИ: Я больно тебя ударил?

ГИТЕЛЬ: Конечно, больно. По-твоему, я деревянная, что ли? (пауза) Ты даже не попросил прощения.

ДЖЕРРИ: Ты же сама на это набивалась, правда?

ГИТЕЛЬ: Да.

ДЖЕРРИ: Ну прости.

ГИТЕЛЬ (пьет молоко, держа кружку обеими руками, как ребенок, потом с улыбкой поднимает на него глаза): Вот видишь? Я говорила, что ты меня поколотишь!

ДЖЕРРИ: Ты так от этого счастлива, что в виде одолжения я могу колотить тебя через каждый час.

ГИТЕЛЬ (уныло): Да уж, счастлива! (ощупывает щеку) А здорово ты меня стукнул!.. Ну хорошо, значит, ты не едешь... (весело глядит на него)

ДЖЕРРИ (отворачивается): Ты не дала мне договорить. (подходит к окну и смотрит вниз, на улицу) После того, как мы подали на развод, Тесс... С ней творится что-то странное. Люциан думает, что она не выйдет замуж.

ГИТЕЛЬ (это еще хуже, чем удар по лицу; она только смотрит на него и молчит. Затем с усилием): Вот оно что! Значит, у тебя есть шансы?..

ДЖЕРРИ: Может быть. (но тут же отрицательно мотает головой; на него вдруг нахлынуло отчаяние) Не знаю, что у меня есть и чего нет, на чем поставить крест и чего ждать впереди, пришел я или ушел... Помогите же мне, я... (умолкает)

ГИТЕЛЬ (съеживается, ее знобит; не сразу находит в себе силы для отчаянной попытки переступить какую-то грань): Ладно, Джерри, я скажу тебе правду. Я... (не знает с чего начать) Ну вот насчет сегодняшнего вечера и Джюка. Я... Мне хотелось пойти с тобой к Фрэнку Таубмену. Только ведь я не гожусь для такой шикарной компании. Не то что она.

ДЖЕРРИ (оборачивается): Что?..

ГИТЕЛЬ: Ты думаешь, я не понимаю? (вздрагивает и ежится; откровенность стоит ей больших усилий, но она старается улыбаться) Я такая, как есть, и

знаю, какая я. Уолли, например, хотел, чтобы я выправила зубы, но я сказала: нет, как-нибудь переживи это, у меня два зуба растут криво, я и не скрываю - подумаешь, какая тайна! Я ему говорю: принимай меня такую, какая я есть, с двумя кривыми зубами, вот и все.

ДЖЕРРИ: Ты красавица. Разве ты не знаешь?

ГИТЕЛЬ: Но я не она. А с той минуты, как мы познакомились, ты все время думаешь только о ней.

ДЖЕРРИ: Нет.

ГИТЕЛЬ: Нет, да. А Джюк что же, просто грошовый леденец. Когда я была девчонкой, я, бывало, целовалась с мальчишками только в прихожей. Так и сейчас - она внутри тебя, а я только в прихожей. Ты никогда не пускал меня дальше. Ну и ладно, но ты при этом хочешь, чтобы я в тебе нуждалась. Да, ты мне нужен, ты мне страшно нужен. Неужели надо говорить все черным по белому? (встает, глядя ему в глаза, и прижимает ладонь к животу) Но если ты хочешь, чтобы я легла перед тобой и сказала: "Можешь топтать меня ногами," - нет, Джерри. Нет. Потому что я знаю: у тебя в голове всегда одна мысль - что-то доказать ей.

ДЖЕРРИ: Себе.

ГИТЕЛЬ: Ей. Что бы ты для меня не делал, все это только ради того, чтобы доказать ей... У тебя даже не хватало терпения дождаться, когда до нее дойдет письмо. И когда ты... просишь, чтобы я... преподнесла тебе себя на тарелке... (до сих пор ей удавалось говорить спокойно, но сейчас у нее вырывается страстный, обвиняющий крик) Для чего? Для чего? Что я получу взамен? Джюк - я плачу пенни и получаю леденец ценой в пенни, но ты - ты большая коробка шоколада, за которую я плачу десять долларов, а получаю только целлофановую обертку! Ты обсчитываешь людей, ты мошенник, Джерри!

Он принимает это обвинение не шелохнувшись, и только смотрит на нее потрясенным взглядом.

(вся дрожа, крепко обхватывает себя руками и ждет, пока ей удастся справиться с собой) Это и есть вся правда, Джерри. Вот, что ты сделал на этот раз.

Молчание. Она ждет напряженно, страстно - так много зависит от его ответа. Он же всем своим существом впитывает горечь ее слов.

ДЖЕРРИ (после паузы): Ты хочешь сказать, что я требую полной отдачи и ничего не даю взамен.

ГИТЕЛЬ: Да. Но разве я сказала только это?

ДЖЕРРИ (закрыв глаза и не слушая ее): Так вот что случилось в этот раз. И в прошлый раз тоже. Потому что я и ее обсчитывал, да?

ГИТЕЛЬ (отчаянно): Я сейчас говорю не о ней!

Но Джерри даже не слышит, он отходит к шкафу и стоит спиной к ней. И Гитель сдается, сев на стул, она стучает по нему кулаком, потом опускает голову на руки.

ДЖЕРРИ: Это правда. Это истинная правда, я наполовину там, в Омахе.

ГИТЕЛЬ: Потому-то я и кинулась к Джюку.

ДЖЕРРИ: Понятно.

ГИТЕЛЬ: Ладно, пусть я рваный половик. Значит, у меня жизнь не удалась.

ДЖЕРРИ: Не удалась? (задумчиво кивает, Но когда он оборачивается к ней

и видит ее грустную, понурюю фигуру, глаза его становятся влажными) Нет. У обоих. (подходит к ней и останавливается сзади)

Она не поднимает головы.

Все эти месяцы, детеныш, я тебе повторял одно и то же: ты живешь неправильно. Я хотел переделать тебя. Теперь я скажу тебе другое - ты даже не знаешь, как правильно ты живешь. (смотрит на ее волосы, поднимает руку, чтобы погладить их, но удерживается) Ты - дар. Дар с небес. Таких, как ты, на свете очень мало, - бог, изредка сжалившись над множеством несчастных дураков, создает для них одну такую, Гитель. И для меня в том числе. (медленно качает головой) Сколько бы ни было у тебя мужчин - это ровно ничего не значит. Клянусь тебе, ровно ничего. Пусть они пользуются твоей добротой и потом сбегают, все равно они уносят с собой какую-то частицу тебя... Я сказал, что ты прекрасна. Я имел в виду не внешность, внешне ты - прелесть. Это видят все. А под этой внешностью - отпетая уличная девчонка. Это видят некоторые. Но если заглянуть еще глубже, там живет чистое и нежное, немножко сумасшедшее существо, робкое, как маленький жеребенок. Никто еще не проникал туда, даже я. А почему ты никого туда не впускаешь - я... это не мое дело. (берет шляпу и стоит, не глядя на Гитель) То, что ты мне дала... поможет мне жить дальше. И долго будет помогать. Долго. А что дал тебе я, что? Себя, но этот дар наполовину фальшивый, он толкает тебя в постель ко всем лоботрясам. А тому жеребенку нужна нескудеющая рука, детеныш. Не моя и не Джюка. (идет к двери и открывает ее, но останавливается на пороге, подыскивая прощальные слова. Наконец бросает через плечо) Мне нравится, что у тебя два кривых зуба! (еще секунда - и он уходит)

Гитель поднимает голову. Джерри уже на лестничной площадке.

ГИТЕЛЬ (бежит за ним): Джерри! Не уходи!

Джерри, не оборачиваясь, останавливается.

Хочешь знать, как я провела время у Джюка? Я потеряла сознание в уборной. Там я обнаружила, что у меня... (голос ее срывается и дрожит) у меня кровоточит язва, Джерри.

ДЖЕРРИ (круто оборачивается): Что?

ГИТЕЛЬ: Поэтому у меня была такая жажда, я... мне очень страшно, Джерри. На этот раз я почему-то боюсь кровотечения...

ДЖЕРРИ: Гитель! (вбежал в комнату, крепко обнимает Гитель)

ГИТЕЛЬ (бессильно опускает голову ему на плечи): Помогите мне, Джерри!

ДЖЕРРИ (в смятении): У кого ты лечишься?

ГИТЕЛЬ: Ничего, может, обойдется, ты просто отвези меня в больницу.

ДЖЕРРИ: У кого ты лечишься?

ГИТЕЛЬ: У доктора Сегена. В моей телефонной книжке. Это он звонил, я не хотела, чтобы ты знал...

ДЖЕРРИ: Сумасшедшая! Ложись в постель. Глупая маленькая чудачка!

ГИТЕЛЬ (плача): Джерри, не надо ненавидеть мои кишки!

ДЖЕРРИ: Почему ты мне ничего не сказала?

ГИТЕЛЬ: Я не хотела, чтобы вышло так, будто я на этом спекулирую.

ДЖЕРРИ: Что?

ГИТЕЛЬ: Ненавижу свои проклятые кишки. Мне так стыдно, не бросай меня, Джерри.

ДЖЕРРИ: О господи, да замолчи ты, сумасшедшая девчонка.

ГИТЕЛЬ: Не бросай меня, не бросай меня.

ДЖЕРРИ: Не брошу. (находит нужный номер, опершись на колено, наклоняется к ее лицу) Я здесь, детеныш. Успокойся, ты же видишь, я здесь, с тобой. (целует ее, потом набирает рукой номер, другую руку его Гитель прижимает к своей щеке)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Картина первая.

Комната Гитель.

Наступил март; солнечный, теплый полдень. Комната Джерри выглядит нежилой: окно закрыто, штора задернута, на кушетке валяется подушка без наволочки, занавеска на угловой вешалке отдернута, видны пустые плечики на палке. В комнате Гитель открыто окно, в него вливается солнечный свет. Мебель переставлена по-новому. В углу - чемодан Джерри. Нет ни швейной машинки, ни манекена; на их месте стол, на котором юридические справочники, гектографированные лекции, конспекты, тетради, карандаши в стакане, настольная лампа, пишущая машинка Джерри, недопитая чашка кофе, две-три грязные тарелки и полное окурков блюдце. Тумбочка у кровати Гитель превращена в столик для лекарств и уставлена пузырьками и стаканами; один из них - с молоком. На тумбочке стоит так же новый, более дорогой радиоприемник, слышна тихая музыка. Гитель лежит в постели в ночной рубашке, бледная, худая и угрюмая. Она повернула голову и смотрит в окно. Толстая книга, которую она пытается читать, лежит у нее на коленях; она заложила страницу пальцем и слушает радио. но вскоре музыка прекращается, и диктор радостно сообщает, что говорит Ве Ка Икс Эр, радиостанция газеты "Нью-Йорк таймс": "Если хотите быть в курсе всех событий, читайте "Нью-Йорк таймс", и не желаете ли вы, чтобы вам доставляли "Нью-Йорк таймс" каждое утро перед завтраком; вы сможете наслаждаться его широкой осведомленностью за чашкой кофе и таким образом присоединитесь к кругу истинно культурных людей, которые..."

ГИТЕЛЬ (с отвращением): А, заткнись, что ты понимаешь!..

Включает другую станцию, раздается музыка, но она не в настроении слушать и выключает радиоприемник совсем. Открывает книгу, и , сдвинув брови, пытается сосредоточиться на чтении. Потом тяжелый вздох - и книга летит вперед, чуть не угодив в еле успевшего отступить Джерри, который открыл дверь ногой - руки у него заняты книгами и пакетами. Пальто его наброшено на плечи, шляпа сдвинута на затылок.

ДЖЕРРИ: Не стреляй, я безоружен!

ГИТЕЛЬ (мгновенно просияв): Джерри, милый, я уж думала, ты совсем не придешь!

ДЖЕРРИ (наклоняется и целует ее, потом сваливает книги, пальто, свертки и большую картонную коробку на стол. В течение всей сцены он непрерывно что-то делает - прибирает, хозяйничает, не останавливаясь на минуту. Он в каком-то лихорадочно-приподнятом настроении. Указывает на коробку): По дороге домой я сделал крюк, чтобы принести тебе кое-что из Китая; впрочем,

магазин пошел мне навстречу.

ГИТЕЛЬ: Опять подарок? Джерри, ты спятил.

ДЖЕРРИ: Но это - после завтрака. У меня вышло недоразумение со старым крэгером из-за этого ливеровского контракта. Словом, я должен быть в конторе ровно в час.

ГИТЕЛЬ (мрачно): То есть две минуты назад.

ДЖЕРРИ: Да, если потороплюсь, то немножко опоздаю. А утро все-таки у меня было грандиозное: я так припер к стенке этого старого крокодила, что он только разевал рот, как золотая рыбка. Вообще мне кажется, что все эти старые крокодилы последнее время как-то скукожились, от сырости, что ли. А как ты тут прожила утро?

ГИТЕЛЬ: Так себе.

ДЖЕРРИ (неодобрительно): Все лежала?

ГИТЕЛЬ: Я почти поднялась было, чтобы пойти в уборную.

ДЖЕРРИ: А, значит, близится это великое событие!

ГИТЕЛЬ: Да. Будет объявлено по всем радиостанциям в последних известиях.

Джерри в кухне молча зажигает газ, кладет на сковородку вынутый из бумаги бифштекс.

Я лучше завтра попробую дойти до уборной, а то меня что-то качает.

ДЖЕРРИ: А ты думаешь, первый раз встав с постели, можно вскарабкаться на гору Эверест?

ГИТЕЛЬ (после паузы): Разве туда карабкаются за этим? (смотрит в окно)

Джерри тем временем достает банку с картофельным пюре и перекладывает в кастрюлю, чтобы подогреть.

Знаешь, где мне сейчас хочется быть?

ДЖЕРРИ: Конечно, в постели, иначе бы ты встала.

ГИТЕЛЬ: Нет, в Центральном парке. На траве. Почему я так редко ходила в Центральный парк? Понимаешь, ведь тут весны совсем нет, а весна уже есть...

ДЖЕРРИ (выходит из кухни и направляется к шкафу, на ходу развязывая галстук): Ответь мне на один вопрос: сможешь ты в пятницу после двух сползти вниз по лестнице?

ГИТЕЛЬ (с беспокойством): Зачем?

ДЖЕРРИ: Я сегодня опять говорил с доктором Сегеном, он советует перемену климата. В пятницу после двух я отвезу тебя в Центральный парк, на такси. Договорились?

ГИТЕЛЬ: Почему именно в пятницу после двух?

ДЖЕРРИ: К двум кончится мой экзамен, и я сам буду не прочь брякнуться без чувств на траву. Ты спустишься вниз, а я прямо после экзамена приеду на такси. Договорились?

ГИТЕЛЬ (уклоняясь от ответа): Скорей бы прошел этот экзамен, может, ты тогда перестанешь бегать взад-вперед и найдешь время сказать мне "здравствуй".

ДЖЕРРИ (любезно, с улыбкой): А, здравствуй, как поживаешь?.. Значит, договорились?

ГИТЕЛЬ (хмуро): Когда я спускаю ноги с кровати, у меня такое чувство, будто мой желудок - треснувшее яйцо или что-то в этом роде; сделаешь шаг - скорлупа развалится и все потечет.

ДЖЕРРИ (строго глядя на нее, вешает пиджак на стул и достает из кармана

пачку писем): Доктор говорит, что если ты на этой неделе не встанешь с кровати, у тебя заржавеет кровь. Я, конечно, не мог позволить себе этого "здравствуй", у меня уже нет ни секунды времени, а еще надо посмотреть, кто мне пишет. (торопливо проглядывает письма, и одно за другим бросает на тахту) Издательство "Харпер" неизвестно почему хочет, чтобы я приобрел все его издания. Счет из больницы за переливание крови, ох! Сожги после обеда на газовой плите. Секретарь окружного суда города Омахи... (но тут он внезапно останавливается. Берет брошенный на тахту конверт, вскрывает и достает оттуда официальный документ с прокладкой из синей бумаги, легко запоминающийся по виду. Читает, пристально вглядываясь в текст)

ГИТЕЛЬ: Что-нибудь важное?

ДЖЕРРИ (после паузы): Нет. Юридическая жвачка. В последние дни все это у меня уже из ушей лезет, я... (ему трудно оторвать взгляд от этого документа, но он делает над собой усилие и, бросив его на стол, снова начинает суетиться) Да, чуть не забыл! (достает из кармана пиджака чек и протягивает Гитель) Я пустил Молли с ее учениками на чердак, она просила передать тебе чек. Ключ она оставит под дверью, я захвачу его по пути в библиотеку.

ГИТЕЛЬ: Джерри, сколько ты на меня тратишь времени! (берет чек и прижимается щекой к его руке) Ты добрый!

ДЖЕРРИ: Нет, просто меня прельщает твой капитал, детка.

ГИТЕЛЬ (весело): Хорошо, черт возьми, быть толстой, пузатой капиталисткой. Лежишь себе, а деньги сами плывут тебе в руки!

ДЖЕРРИ (нагнувшись, достает из-под кровати подкладное судно и несет на лестницу, где уборная): Ты должна встать сегодня же, иначе будешь валяться вечно.

ГИТЕЛЬ: Господи, я же потеряла целый литр крови!

ДЖЕРРИ: А я купил тебе полтора литра новых, прибыль неплохая, Капиталисты, которые считают, что пятьдесят процентов прибыли слишком мало, кончают в ночлежках. (возвращаясь, подбирает по пути брошенную Гитель книгу и выпавшую из нее экзаменационную программу) Зачем тебе экзаменационная программа? Ты что, зубрила за меня?

ГИТЕЛЬ: Просто посмотрела.

ДЖЕРРИ (проглядывает программу): Статья э53. Вечером придется еще раз подзубрить. (бросив книгу на тахту, быстро раздевается до пояса и только теперь снимает шляпу и надевает ее на абажур настольной лампы. Затем собирает со стола немытые тарелки, блюдце с окурками и уносит в кухню)

ГИТЕЛЬ (следит за ним взглядом): А спать когда же? От тебя и так только кожа да кости остались.

ДЖЕРРИ (переворачивает бифштекс на сковородке): Это мускулы, я теперь сплошные мускулы. Кстати, если ты в ближайшее время не поднимешь с постели свой зад, я дам объявление в газету, что мне требуется другой, более работоспособный.

ГИТЕЛЬ (сердито): У меня вполне работоспособный.

ДЖЕРРИ: Но безработный. Не вечно же тебе будут давать пособие по безработице.

Он просто зубоскалит, плескаясь водой над раковиной, но Гитель вдруг задумалась о будущем, и оно представилось ей таким мрачным, что она старается поскорее отвлечься от этих мыслей.

ГИТЕЛЬ: Джерри, когда же кончится эта бешеная гонка?

ДЖЕРРИ: В два тридцать в пятницу, после боя, старушка.

ГИТЕЛЬ: В Центральном парке?

ДЖЕРРИ (не слыша ее): И с этой минуты - всецело в твоём распоряжении.

ГИТЕЛЬ (грустно): Надолго ли?

ДЖЕРРИ: А?

ГИТЕЛЬ: Я говорю, надолго ли?

ДЖЕРРИ: Ничего не слышу. (закрывает кран и идет в комнату, вытирая лицо полотенцем) Что?

ГИТЕЛЬ: Я говорю, люблю тебя.

Джерри останавливается, как вкопанный. Долгая пауза.

(наконец опускает глаза) Мне ведь не нужно говорить тебе это, правда? Ты и сам знаешь.

ДЖЕРРИ (мягко): Да.

ГИТЕЛЬ: Постараюсь не повторять слишком часто. Так, раза два в неделю.

ДЖЕРРИ: Для меня не может быть слишком часто. У меня от этого нарастают новые мускулы.

ГИТЕЛЬ: Может, заболев, я оказала тебе величайшую услугу?

ДЖЕРРИ: Мы бы, наверное, как-нибудь обошлись и без твоей болезни. Величайшая услуга с твоей стороны - поправиться и встать на ноги, Гитель.

Гитель не поднимает глаз. Джерри смотрит на часы, целует ее в щеку и бросается к шкафу.

ГИТЕЛЬ (тихо): На сколько процентов?

ДЖЕРРИ (открывая шкаф, хмурится, достает свежую рубашку и, оторвав картонный билетик из прачечной, надевает ее): На все сто.

ГИТЕЛЬ: Я не о выздоровлении, я...

ДЖЕРРИ: Я знаю, о чем ты. Что же, по-твоему, когда я сказал, что хочу о тебе заботиться, я установил для себя гарантийный срок в тридцать дней? (застегивая рубашку, идет в кухню, там он гасит газ под кастрюлей с пюре и ставит на плитку тарелку, чтобы согреть ее) Несу завтрак, ты готова?

ГИТЕЛЬ: А ты уже ел?

ДЖЕРРИ: Я захвачу с собой бутерброд в контору. Что, если бы ты, скажем, вскочила на ноги и обежала три раза вокруг тарелки, чтобы нагнать аппетит? (останавливается на пороге кухни и ждет)

ГИТЕЛЬ (отводя глаза): У меня и так есть аппетит.

ДЖЕРРИ: Понятно. (опять идет в кухню и ставит на поднос тарелку с едой и стакан молока; кладет прибор и бумажную салфетку)

ГИТЕЛЬ: Бутерброд - это ерунда, Джерри. Если еще и ты заболеешь, то нам обоим крышка. Забеги куда-нибудь, выпить какао. И пусть положат туда гоголь-моголь.

ДЖЕРРИ: Зачем?

ГИТЕЛЬ: До экзамена еще целых два дня, надо же поддержать силы перед этой пыткой.

ДЖЕРРИ (вносит поднос и ставит ей на колени): Обреченный на смерть съел добрый гоголь-моголь и прожил еще тридцать четыре года, Я не собираюсь болеть, детеныш, даже ради того, чтобы ты встала. (запихивает в портфель книги и бумаги со стола; взяв в руки документ с синей прокладкой, медлит и, повернувшись к Гитель спиной, снова перечитывает его)

ГИТЕЛЬ: Джерри!

ДЖЕРРИ: Да!

ГИТЕЛЬ (с усилием): Не подумай, что я пользуюсь своим положением...

Понимаешь, я... я хочу сказать - с тех пор, как ты живешь здесь, я... Обо мне никто не заботился, и это ослабляет мою волю, понимаешь?..

ДЖЕРРИ (взглядывает на нее через плечо и продолжает читать документ. Он как бы сопоставляет ее слова с тем, что там написано): И укрепляет мою.

ГИТЕЛЬ: Ты понимаешь, я уже вроде бы привыкла видеть тут твои галстуки. Мне будет очень их недоставать.

ДЖЕРРИ (пауза. Опять словно взвешивает смысл написанного в документе и то, более значительное, что происходит в его душе): Зачем же я сдаю этот экзамен, глупая ты голова? Ради умственной гимнастики, что ли? Я намерен жить здесь, работать здесь, заниматься своим настоящим делом. Я уже заостенел от безделья.

ГИТЕЛЬ: Я боюсь того, что будет потом, Джерри.

ДЖЕРРИ: А что будет потом?

ГИТЕЛЬ: Я встану с постели - и эти проклятые галстуки вернутся в твою комнату. Мне страшно... опять остаться одной. Вот.

ДЖЕРРИ (молча стоит с официальной бумагой в руках, потом вдруг решительно сует ее в портфель, садится к столу и, отодвинув книги, принимается писать): Ешь, пока не остыло.

ГИТЕЛЬ: ???

ДЖЕРРИ: Обязательство. Я обязуюсь занимать тебя разговорами за едой. (складывает исписанный листок и берет картонную коробку) И еще другие пункты, менее возвышенные. (вынимает из коробки китайскую домашнюю кофту из парчи)

ГИТЕЛЬ (роняет вилку): Ох! Как красиво! Что это?

ДЖЕРРИ: Пусть эта штука напоминает тебе обо мне до шести часов вечера.

ГИТЕЛЬ: Парчовая кофта! С ума сойти! Я теперь всю жизнь буду лежать в постели! (протягивает руки к кофте)

ДЖЕРРИ (поднимает вложенный листок): Это письмо моему домохозяину. (кладет его в карман кофты) Ты бросишь его в почтовый ящик. Собственноручно.

ГИТЕЛЬ: Чего?!

ДЖЕРРИ: На углу. Как только встанешь и сумеешь туда пойти.

ГИТЕЛЬ: Что ты ему написал? (глаза ее расширяются) Чтобы он искал другого квартиранта? Да?

ДЖЕРРИ: Сама увидишь.

ГИТЕЛЬ: Ты оставишь тут галстуки навсегда?

ДЖЕРРИ: Сама увидишь. (отойдя подальше, держит кофту на весу обеими руками; из кармана торчит сложенное письмо)

ГИТЕЛЬ (с упреком): Джерри!

ДЖЕРРИ: Подойди и возьми.

ГИТЕЛЬ (с упреком): Джерри, значит, чтобы ты остался со мной, я должна быть здоровой?

ДЖЕРРИ: Возможно. Попробуй - увидишь.

Гитель качает головой.

Разве ты так уверена, что я хочу держать эти чертовы галстуки здесь? Иди сюда.

Гитель молча смотрит на него, глаза ее наливаются слезами.

Ну иди же. Иди и возьми сама.

Гитель оставляет поднос, спускает с тахты ноги и сидит неподвижно.

Иди же, детеныш.

ГИТЕЛЬ (встает, чуть пошатывается и неуверенно идет к нему, боясь за свой желудок, за свои ноги, идет, как человек, не встававший с постели целый месяц; но все же добирается до Джерри, берет письмо и читает): Ты и вправду отказываешься от квартиры!

ДЖЕРРИ: Сэкономлю на квартирной плате.

ГИТЕЛЬ (пауза): Ты меня просто убиваешь, Джерри! (отворачивается, стараясь не заплакать) Я никогда не была стервой и шантажисткой... (пауза) и не буду! Хватит! (и с внезапной решимостью рвет письмо на клочки)

ДЖЕРРИ (ровно): Расточительное отношение к бумаге, Теперь я должен писать другое.

ГИТЕЛЬ: Не надо, если ты сам этого не хочешь!

ДЖЕРРИ: Я хочу. (надевает на нее кофту и, прижав к себе, целует, потом пристально смотрит ей в глаза)

Гитель отвечает ему таким же испытующим взглядом.

(обнимая ее одной рукой, Джерри глядит на часы и берет портфель) Ну, ложись в постель. Все должно быть в меру. Помни, что ты принадлежишь мне. Хорошо прожевывай мясо, не забудь принять лекарство, не вылезай на лестницу одна, застегни кофту, чтобы не простудиться. Прощай. (идет к двери, но его останавливает тихий голос Гитель)

ГИТЕЛЬ: Джерри, я действительно принадлежу тебе. Ты ведь знаешь, что теперь это так?

ДЖЕРРИ: Да, знаю, детеныш.

ГИТЕЛЬ: Я люблю тебя.

Джерри стоит молча, пока Гитель не приходит ему на выручку.

Это уже второй раз, я израсходовала весь недельный лимит!

ДЖЕРРИ (весело): Быть может, до экзамена мне нужно будет услышать это еще раз. Для укрепления мускулатуры.

ГИТЕЛЬ: Ты непременно выдержишь.

ДЖЕРРИ: Я, черт возьми, высосу все ответы их моего гениального пальца! (посылает воздушный поцелуй и уходит)

Гитель стоит одна посреди комнаты, в китайской кофте радужных цветов, и, улыбаясь сквозь слезы, качает головой. Проводит пальцами по висящему на стуле пиджаку, садится и прижимается к нему лицом. На душе у нее тревожно.

Картина вторая.

Комната Джерри.

Наступил май, уже почти лето. Жаркие, душные сумерки. Прошло уже восемь месяцев с тех пор, как началась эта история. Снова в обеих комнатах настежь открыты окна - комната Джерри на верхнем этаже - и слышен гул уличного движения. В комнате Гитель почти ничего не изменилось, только на столе уже нет книг и бумаг Джерри, с ночного столика исчезли лекарства, кровать застелена. В комнате Джерри - полный разгром. Укладка в разгаре, ни одна

вещь не стоит на своем месте, повсюду ящики и картонки. Джерри в кухне, скинув пиджак, завертывает посуду в газеты. Гитель в комнате - босая, опять такая же, как прежде, но с налетом грусти на глазах - укладывает в картонку белье. Некоторое время оба молча занимаются своими делами, потом Джерри окликает Гитель; голос у него унылый, как, впрочем, и у нее.

ДЖЕРРИ: Как быть с этими кастрюльками, детеныш? Запаковать их отдельно?

ГИТЕЛЬ: Отдельно от чего?

ДЖЕРРИ: От тарелок.

ГИТЕЛЬ: Должно быть. То есть, конечно, да.

Снова молча продолжают укладываться. Оба устали от этой нудной возни, оба подавлены, но ни один не признается в этом их окружает атмосфера недоговоренности. Гитель становится на стул, чтобы снять занавеску, закрывающую угол, где висит одежда. Нечаянно задевает палку, на которой еще висят какие-то вещи. Палка срывается с подпорки и падает.

(подхватывает ее на лету) Джерри, сюда, скорей!

ДЖЕРРИ (бросает то, что у него в руках и бежит в комнату): Что с тобой?

ГИТЕЛЬ: Опять эта проклятая палка. Ничего особенного.

ДЖЕРРИ (с облегчением): О, а я думал, что ты... (внезапно умолкает и, взяв из ее рук палку с одеждой, кладет на кушетку) Так мне и не удалось приделать ее как следует. Впрочем, у меня было внутреннее убеждение, что никакая сила не заставит ее держаться на месте, хотя и нужно-то было всего два гвоздя и... (замечает ее грустный пристальный взгляд) Ты что?

ГИТЕЛЬ: Ничего.

Смотрят друг на друга, явно чего-то недоговаривая. Потом Джерри берет ее за талию и снимает со стула.

ДЖЕРРИ: Стой лучше на полу, белка.

ГИТЕЛЬ (раздраженно): Это почему?

ДЖЕРРИ: Потому что я взбирался на пик Лонга четыре раза. Я привык к высоте. (становится на стул и отцепляет занавеску от двери)

ГИТЕЛЬ: Думаешь, я разобьюсь? Не будет такого счастья.

ДЖЕРРИ (снова глядит на нее пристально): Что значит эта жизнерадостная фраза?

ГИТЕЛЬ: Я хотела сказать - несчастья.

ДЖЕРРИ: А! Я думал, ты хотела сказать - счастливого несчастья.

ГИТЕЛЬ: Пик Лонга - это что?

ДЖЕРРИ: Гора в Колорадо. Четырнадцать тысяч футов; вверх - на четвереньках, вниз - на чем придется.

ГИТЕЛЬ (после паузы): Подумаешь, я подымалась на крышу Импаир Отель Билдинг девятнадцать раз.

ДЖЕРРИ (улыбается, качая головой, и протягивает ей занавеску): Держи.

Но Гитель задумчиво направляется в кухню.

(поглядев ей вслед, швыряет занавеску на кушетку, где лежит теперь голый матрас, и оглядывает занавеску на окне) Эту тоже снять?

ГИТЕЛЬ (из кухни): Какую?

ДЖЕРРИ: Ту, что на окне?

ГИТЕЛЬ: Ты-то хочешь ее снять?

ДЖЕРРИ (недоуменно): Отчего же не снять.

ГИТЕЛЬ: Ну и снимай!

ДЖЕРРИ (нахмурясь): Откуда у тебя эта горечь?

ГИТЕЛЬ: Не знаю. Нашла на полке.

ДЖЕРРИ: Что?..

ГИТЕЛЬ: Миндаль. Он оказался горьким. (появляется с горстью миндаля)
Хочешь попробовать?

ДЖЕРРИ: Я спрашиваю, чем ты огорчена? (переносит стул к окну и снимает холщовую занавеску)

ГИТЕЛЬ: Я?.. А ты чем?

ДЖЕРРИ: Я первый спросил.

ГИТЕЛЬ: А я и отвечаю - я огорчена тем, что не могу понять, чем огорчен ты.

ДЖЕРРИ: Понятно. Я же огорчен тем, что не могу понять, чем огорчена ты. На этом расследование можно закончить. Оно не принесло никаких плодов, кроме миндаля... Эти кронштейны тебе нужны?

Гитель, не отвечая, пробует миндалины одну за другой, надеясь найти сладкую.

(смотрит то на нее, то на кронштейны) М-м?

ГИТЕЛЬ: Мне ни черта не нужно. Тебе-то они нужны?

ДЖЕРРИ (пауза): Маленькая поправка. Нужны ли они нам?

ГИТЕЛЬ: Нам они, конечно, нужны. Пригодятся, ведь за них плачены деньги.

ДЖЕРРИ: Еще бы. Десять центов за пару. Сейчас возьму отвертку. (сходит со стула и направляется в кухню)

ГИТЕЛЬ: Ну тогда оставь их.

ДЖЕРРИ: Собственно говоря, зачем нам это тряпье? У тебя же там есть занавеска.

ГИТЕЛЬ: Почему тряпье? (щупает пальцами занавеску) Чудная ткань, сорок семь центов за ярд со скидкой. Я могу сделать из нее одиннадцать разных вещей.

ДЖЕРРИ: Назови хоть десять.

ГИТЕЛЬ: Да что угодно. Покрывало, подушки, переплет для записной книжки; я могла бы даже сшить тебе несколько галстуков.

ДЖЕРРИ (с большим сомнением): Ты думаешь?

ГИТЕЛЬ: А что, разве плохо?

ДЖЕРРИ: Нет, но я не очень представляю себе, как я появлюсь в суде в галстуке из оранжевой холстины. (идет в кухню)

Гитель швыряет миндаль через всю комнату в раскрытое окно и уныло садится на кушетку.

(входит с отверткой и, проходя мимо, бросает на нее внимательный взгляд) Может, на сегодня довольно, детеныш? У тебя усталый вид.

ГИТЕЛЬ (запальчиво): Вовсе я не устала!

ДЖЕРРИ: Почему же ты скисла?

ГИТЕЛЬ: Кто скис? Я на шестом небе!

Джерри хочет встать на стул, но останавливается и смотрит на нее.

Только ради бога, не бросайся мне на помощь! Ты меня задавишь своей

благородной добротой!

ДЖЕРРИ (после секундной паузы с размаху всаживает отвертку по самую рукоятку в сиденье стула. У Гитель расширяются глаза. Но Джерри не выказывает больше никаких признаков ярости, и, когда начинает говорить, голос его спокоен): Это - за все твои шпильки.

ГИТЕЛЬ (угрюмо): Извини.

ДЖЕРРИ: Предполагалось, что мы будем весело укладывать мои вещи. Зачем вести себя так, будто...

ГИТЕЛЬ: Ни мне, ни тебе это не доставляет ни малейшего удовольствия. С каждым полотенцем, которое я сую в эту коробку, мне становится все хуже!

ДЖЕРРИ (сухо): Это нелегкая работа - кому приятно разорять свой дом, где счастливо жилось! (пошарив в карманах, вытаскивает сигареты) Хотя все началось довольно странно. Никогда не забуду, как ты устроила здесь для меня пункт первой помощи.

ГИТЕЛЬ: Ничего, скоро будет другой.

ДЖЕРРИ: Какой?

ГИТЕЛЬ: Тот, что ты устраиваешь для меня.

Джерри, взглянув на нее, закуривает, и, чтобы не продолжать этого разговора, снова влезает на стул, в сиденье которого торчит отвертка.

(глубоко втягивает в себя воздух, словно готовится нырнуть под воду, и очень весело произносит) Слушай, Джерри, какого черта мы будем тянуть, давай поженимся и кончено, а?

ДЖЕРРИ (поглядев на нее через плечо): Многоженство? Ты, конечно, всегда великодушна, но ведь одна жена у меня уже есть.

ГИТЕЛЬ: Нет. После развода. Ты не думай, я не собираюсь сидеть у тебя на шее. Теперь ты уже член нью-йоркской коллегии адвокатов, и знаешь, чем я первым делом займусь? Буду изучать стенографию!

ДЖЕРРИ: Стенография - именно то, чего нам не хватает для полного счастья.

ГИТЕЛЬ: Когда ты откроешь свою контору, тут-то я и пригожусь! Вместо какой-нибудь дуры секретарши. Мне ведь и платить не надо, ты еще и сэкономишь! А как только я достаточно выручу за этот чердак, я устрою там для нас с тобой квартирку. Увидишь, будет страшно мило.

ДЖЕРРИ: Это конечно, страшно мило.

ГИТЕЛЬ: Гадость!

ДЖЕРРИ: Что именно?

ГИТЕЛЬ: Этот мусорный ящик. Думаешь, я не понимаю? Как ты будешь принимать там людей, когда их раковин сейчас же выползет делегация тараканов посмотреть на гостей. Их не морили с тех пор, как там жила Бейб Рут.

ДЖЕРРИ: Кого же мы будем морить?

ГИТЕЛЬ: А?..

ДЖЕРРИ: То есть кого мы будем принимать?

ГИТЕЛЬ: Ну, всяких нужных тебе людей. Клиентов! Компаньонов, таубменов, может, даже преступников, мало ли кого. Только нельзя же их тащить в мусорный ящик, правда?

ДЖЕРРИ (помолчав): Правда. Это даже бесчеловечно - придет какой-нибудь маньяк, алкоголик, только что зарезавший родную мать, и вдруг увидит таракана! Держи кронштейн.

Но Гитель укладывает занавеску в картонку, и он сходит со стула.

ГИТЕЛЬ: Кто знает, может, потом мы поселимся в настоящей квартире! Я всегда мечтала жить в доме знаешь с чем?

ДЖЕРРИ: Со мной?

ГИТЕЛЬ: С лифтом! Если есть лифт, можно и пригласить кого угодно.

ДЖЕРРИ (кладет кронштейн рядом с маленьким радиоприемником, который вдруг привлекает его внимание, он смотрит на него, поглаживая большим пальцем. Встретившись взглядом с Гитель, улыбается): Вспомнил тот день, когда ты оставила его у моей двери. Мы с ним провели много часов наедине. Жаль, если он кончит свои дни где-нибудь в чулане.

ГИТЕЛЬ: С какой стати, он нам еще пригодится.

ДЖЕРРИ (коротко): Если ты намерена взять и пластмассовые галстуки, то не ищи, их уже нет. А это поместится в ящик с кастрюлями. (берет приемник и уходит в кухню)

ГИТЕЛЬ (стоя на коленях, принимается укладывать в коробку книги, бумаги, разные мелочи): Джерри, что ты делаешь со счетами? За газ, за телефон...

ДЖЕРРИ (из кухни): Положи где-нибудь на виду. Кажется, там есть неоплаченные.

ГИТЕЛЬ (откладывает счета в сторону): Стоит ли платить, раз они все равно выключат и газ, и телефон. Тут еще письма... (разворачивает одно, написанное женским почерком на голубой бумаге) "Джерри, мой дорогой, я..." Уф! (торопливо складывает, не читая дальше; на глаза ее попадает официальный документ с синей прокладкой - что-то знакомое, она видела его в руках Джерри, когда лежала больная. сдвинув брови, читает, сначала про себя, потом вслух) "...Несмотря на то, что истица вела себя по отношению к ответчику как верная и преданная жена, означенный ответчик безусловно виновен в грубом нарушении душевного спокойствия означенной истицы, а также в нарушении..."

Джерри появляется на пороге с чашкой в руке.

...супружеской верности. Вследствие чего суд..."

ДЖЕРРИ (продолжает наизусть): "...постановляет, что существующий до ныне брачный союз должен быть расторгнут и признан недействительным, означенная же истица со дня данного постановления состоит в разводе с ответчиком." Точка.

ГИТЕЛЬ (после паузы): Что же ты мне не сказал, Джерри?

ДЖЕРРИ (после паузы): Мне нужно было сжиться с этим. Еще какой-то время. Подождать, пока у меня... пройдет. Чтобы можно было отрезать, как отросший ноготь...

ГИТЕЛЬ (снова после паузы): Ты не хотел, чтобы я знала.

ДЖЕРРИ: Да, пока я... не справлюсь сам. Ты знаешь, что такое слово "никогда"? Что такое сознание, что ничего больше не будет, что это кончено навсегда, на всю жизнь? Никогда - это огромная дыра в сердце, нужно время, чтобы она... затянулась.

ГИТЕЛЬ: А дальше что?

ДЖЕРРИ: Дальше?

ГИТЕЛЬ: Да. Что ты будешь делать дальше?

ДЖЕРРИ (не сразу, мягко): Прежде всего займусь одним неотложным делом.

ГИТЕЛЬ: Каким?

ДЖЕРРИ: Уложу эту чашку. (подходит к картонке и становится на колени рядом с Гитель)

ГИТЕЛЬ: Подлец!

Джерри поворачивается на коленях лицом к ней.

Ты сказал ей про меня? Что ты перебрался ко мне?

ДЖЕРРИ: Я не подлец, Гитель...

ГИТЕЛЬ: Ты сказал ей, что я заболела! (бьет его по лицу судебной бумагой с синей прокладкой)

Джерри привстает на корточки и застывает. Гитель поднимается и подбирает свои туфли. Джерри, тоже поднявшись, швыряет чашку в картонку.

Бей уж сразу всю посуду, кому она нужна!

ДЖЕРРИ: Ну что ты еще выкинешь?

ГИТЕЛЬ: Я уйду отсюда, ты... ты проклятый! (но горе берет верх над злостью, и у нее вырывается тоскливый крик) Джерри, почему ты мне ничего не сказал?!

ДЖЕРРИ: Я не мог...

ГИТЕЛЬ (пристально глядя на него, вдруг понимает все до конца. Быстро надев туфли, ищет свою сумочку): Да. Зато ей ты обо мне все рассказал. Боже мой, даже то, что вы развелись, - это твоя с ней тайна! И если даже ты на мне женишься, она об этом узнает, а я - нет!

Но когда она идет к двери, Джерри становится перед ней на пороге.

ДЖЕРРИ: Никуда ты не уйдешь.

ГИТЕЛЬ: Джерри, берегись!

ДЖЕРРИ: Сядь!

ГИТЕЛЬ: Берегись, Джерри, я не знаю, что с тобой сделаю!

ДЖЕРРИ: Ну, давай, давай, отпетая уличная девчонка!

Гитель бьет его по лицу - он неподвижен. Гитель ударила еще раз - он стоит как статуя. Гитель круто оборачивается, ища, чем бы в него запустить, выхватывает из картонки разбитую чашку и замахивается, но не решается бросить.

(ждет, не шевелясь) Ну, бросай! Я тебя так вздую, что ты сесть не сможешь.

ГИТЕЛЬ (швыряет чашку, стараясь не попасть в него, и, бросившись на кушетку, рыдает от ярости): Сукин ты сын, за всю жизнь мне еще не удавалось как следует поколотить ни одного мужчину, будь они все прокляты, - это просто несправедливо!

ДЖЕРРИ: Как ты думаешь, почему я сказал ей о твоём кровотечении?

ГИТЕЛЬ: Чтобы доказать ей что-то за мой счет. Вот почему!

ДЖЕРРИ: Что же, например?

ГИТЕЛЬ: Доказать, какой ты замечательный, ухаживаешь за больной и в ее помощи не нуждаешься.

ДЖЕРРИ: Я сказал потому, что она просила помощи у меня. Она зовет меня домой.

ГИТЕЛЬ (поворачивается на бок и с изумлением глядит ему в лицо): Она тебя зовет?

ДЖЕРРИ: Когда наконец я действительно оказался ей нужен, когда я крепко стою на ногах и могу ей помочь, мне пришлось ответить ей "нет". И объяснить почему.

ГИТЕЛЬ (глубоко переводя дух): Вот что, Джерри. Ты настаивал, чтобы я

чего-то потребовала от тебя, помнишь?

ДЖЕРРИ: Да.

ГИТЕЛЬ: Я хочу потребовать сейчас.

ДЖЕРРИ: Требуй.

ГИТЕЛЬ: Я хочу, чтобы ты остался здесь, я хочу тебя целиком, а не полкусочка от тебя... я хочу... то есть я... чтобы ты... (с усилием) нынче високосный год, Джерри, значит, надо говорить правду. Ты мне скажешь когда-нибудь... "Я люблю тебя"? Хоть раз?

ДЖЕРРИ (с болью): Это же обет на всю жизнь, детеныш, и я уже дал его однажды. (но когда он поворачивается, чтобы уйти в кухню, голос за его спиной останавливает его)

ГИТЕЛЬ: Джерри, Джерри, дай же мне наконец передышку! Перестань подтрунивать надо мной. Разве это по-дружески?

Эти слова пригвождают его к месту.

Я скажу тебе честно - когда ты переедешь ко мне, я буду добиваться, чтобы мы поженились. Ты... ты лучше тоже скажи мне все честно.

Джерри молча смотрит на нее.

Джерри, ты мне друг?

ДЖЕРРИ (после долгого молчания): Да, я твой друг. И буду честен. Когда ты говоришь "люблю", то имеешь в виду - "влюблена". Для меня же это слово означает гораздо больше...

ГИТЕЛЬ: Для меня это значит - нуждаться в ком-то. Так сильно, что...

ДЖЕРРИ: Нуждаться? Нет, не то. Любовь - это всегда вместе, неразрывно, день за днем, год за годом... Любовь - это видеть глазами другого. Она любит мосты, и ни на один здешний мост я не мог смотреть без боли, потому что ее глаза этого не видят. И еще сотни таких вещей, на каждом шагу. Не просто друг, в чем-то даже мой смертельный враг, но жена, и срослась со мной. (смотрит на бумагу из суда) Что я мог сказать тебе об этом - об этой бумажке? Что брачный союз не расторгнут, не стал недействительным? Разве я перестану чувствовать свою правую руку, если потеряю ее? Вот что такое любовь для меня.

ГИТЕЛЬ (долго смотрит на него, потом закрывает глаза): Ты все это говорил ей?

ДЖЕРРИ: Нет. Надо было сказать еще много лет назад, но тогда я сам этого не знал.

ГИТЕЛЬ (поднявшись с кушетки, становится коленями на стул у окна и смотрит наружу, не зная, как справиться со всем тем, что на нее обрушилось): Ты никогда не женишься на мне, Джерри.

ДЖЕРРИ: Я не могу, детеныш.

ГИТЕЛЬ: Каким же оружием мне бороться с ней - язвенным кровотечением два раза в год? Поймать тебя в эту ловушку? Стать калеккой и месяц за месяцем нуждаться в твоей заботе, только этим я удержу тебя, да?

ДЖЕРРИ: Пока я тебе нужен, я буду с тобой.

ГИТЕЛЬ (поворачивается на стуле и глядит ему в лицо, словно наконец прозрев): И переедешь ко мне. Даже теперь.

ДЖЕРРИ: Все, что во мне осталось, я отдам. И без обсчета.

ГИТЕЛЬ: Боже мой, ведь это я попала в ловушку!

Пауза. Затем Джерри кивает головой.

Ты единственный, кого... Потеряв тебя, я бы тоже могла чувствовать, что потеряла руку или там ногу...

ДЖЕРРИ: Ты бы чувствовала, что потеряла... Уйму времени зря. Ты растешь, детеныш, и одно из двух моих самых сильных желаний - увидеть, как ты вырастешь. И принесешь плоды.

ГИТЕЛЬ: А второе твое желание?

ДЖЕРРИ: Тесс.

ГИТЕЛЬ: Джерри, Джерри, Джерри! (смотрит на него моргая - нелегко высказать вслух то, что она думает) Я не хочу подбирать крохи. Я хочу, чтобы кто-то... сказал мне то, что ты сейчас говорил о ней. (берет свою сумочку, стоит, не глядя на него) Выходит, мы даем друг другу отставку - так, Джерри? (хочет пройти мимо него к двери, но он берет ее лицо в ладони и смотрит в глаза)

ДЖЕРРИ: Зачем, Гитель?

ГИТЕЛЬ: Джерри, с тех пор, как я слегла в постель, я ни разу не вздохнула свободно, мне нужно уйти, иначе я... задохнусь.

Через секунду Джерри отпускает ее. Она быстро проходит мимо него и исчезает за дверью. Джерри оборачивается и стоит неподвижно, опустив руки и глядя ей вслед. Свет медленно гаснет.

Картина третья.

Обе комнаты.

Несколько дней спустя. Пасмурный день. Комната Джерри совсем оголена и пуста; в ней стоит только чемодан и пишущая машинка. Телефон опять на полу. Джерри не видно, хотя мы слышим, как он возится в кухне. Гитель у себя в комнате снимает со стен свои фотографии в балетных позах. Она делает это равнодушно, почти машинально, лишь бы чем-то заняться во время томительного ожидания. А ждет она телефонного звонка, это видно по тому, как она поглядывает на аппарат. Бросив фотографии в ящик ночного стола, Гитель начинает нервно бродить по комнате, посматривая то на будильник, то на телефон.

В темной передней, где у Джерри помещается кухня, вспыхивает спичка; Джерри в последний раз оглядывает кухню и идет в комнату. На нем пальто и шляпа. Он тушит спичку; у него в руке крем для бритья, кисточка и бритва. Опустившись на колени, он кладет все это под футляр пишущей машинки. Взглядывает на часы, и, постояв в унылом раздумье у телефона, снимает трубку и набирает номер. В комнате Гитель звонит телефон.

ГИТЕЛЬ (хватает трубку и садится на тахту): Да, алло!

ДЖЕРРИ (помолчав): Девочка, я... уже все тут уложил, я...

ГИТЕЛЬ (мягко): Здравствуй, Джерри.

ДЖЕРРИ (помолчав): Тут в кухне картонка со всякой мелочью, ключ будет у сторожа. Если тебе что-нибудь понадобится...

ГИТЕЛЬ: Мне ничего не понадобится.

ДЖЕРРИ: Но если все-таки понадобится... (пауза) Гитель, если тебе понадобится что-нибудь ...важное, я буду в линкольском отеле "Коммодор". Номера я не знаю, но междугородняя тебя соединит и так. Город Линкольн, штат Небраска. Небраска, не Невада!

ГИТЕЛЬ: Не Невада.

ДЖЕРРИ: И не Омаха. Эту ошибку я больше не повторю. Никогда, Как только найду себе контору, сообщу номер телефона. А если ты... если у тебя будет что-то срочное, позвони, пожалуйста, Фрэнку Таубмену. Можешь ему ничего не объяснять, я предупрежу. Просто позвони.

ГИТЕЛЬ (не сразу): Хорошо.

ДЖЕРРИ: Нет, дай мне слово.

ГИТЕЛЬ: Даю слово. (пауза) Джерри, со мной уже все в порядке. Ты только... ты только постарайся, чтобы там все вышло так, как ты хочешь.

ДЖЕРРИ: Да, я постараюсь. Это - снова война. Я не отступлюсь от своих условий, я не стану работать у Люциана, не передо в Омаху, и жить мы будем на то, что я заработаю. Я начинаю очень... скромно - стол, телефон и карандаш. И моя голова.

ГИТЕЛЬ: Это немало.

ДЖЕРРИ: И обсчитывать ее я больше не стану. Новая жизнь на новых началах, для нее и для меня.

ГИТЕЛЬ: Я верю в тебя.

ДЖЕРРИ: И никаких метаний в стороны. Гитель, ты ведь тоже перестала метаться?

ГИТЕЛЬ: Ох, нет. Я еще дергаюсь, как паяц на веревочке.

ДЖЕРРИ: Я ведь тоже верю в тебя, Гитель. В Нью-Йорке пропасть народу, но ты - соль земли, не растрачивай себя, он ждет тебя где-то за углом. Ты его найдешь.

ГИТЕЛЬ: Поищу. Я теперь о себе лучшего мнения, чем раньше, я буду больше требовать. Время от времени я буду посылать тебе поздравительные открытки, ладно?

ДЖЕРРИ: Время от времени...

ГИТЕЛЬ: Дважды в неделю.

ДЖЕРРИ (крепко прижимает пальцы к глазам, он в мучительной неуверенности): Гитель! То, что я делаю, это... Бывают моменты, когда я думаю, что...

ГИТЕЛЬ: Ты все правильно делаешь, Джерри. Понимаешь, я больше не хочу никаких подачек, это плохая услуга.

ДЖЕРРИ: Я-то это знаю, как никто.

ГИТЕЛЬ: Я теперь и сама не буду раздавать подачки. я хочу, чтобы кто-то заботился обо мне по-настоящему и принадлежал мне целиком. ты научил меня этому. Сэмы и Джюки мне не нужны - это цыплячьи души. Ты знаешь, я теперь на многое смотрю совсем по-иному, ты сделал мне много добра, Джерри.

ДЖЕРРИ: Это правда, Гитель? Господи, если бы я мог твердо знать, что каждый из нас в чем-то помог другому, хоть немножко...

ГИТЕЛЬ: Ты мне очень помог, Джерри. Это первая моя связь, после которой я стала лучше, чем прежде. Я хочу сказать: кто бы ни был тот человек, он будет тебе многим обязан.

ДЖЕРРИ (помолчав, тихо): Спасибо тебе за это. А она даже и не узнает, скольким она обязана тебе... После слова... (припоминает) после слова "любить" сладчайшее слово на свете...

ГИТЕЛЬ (после паузы): Какое, Джерри?

ДЖЕРРИ: "Помогать". Не помню, кто это сказал. Ну вот. (смотрит на часы) Ну вот. Пока, детеныш!

ГИТЕЛЬ (старается говорить спокойно, но глаза ее полны слез, сердце колотится где-то в горле, она борется с тем, что переполняет ее, но ничего не может с собой поделаться): Я люблю тебя, Джерри!

Джерри застывает.

(не сразу находит в себе силы продолжать) Сколько бы ты не прожил на земле, я хочу, чтобы ты помнил: последнее, что ты услышал от меня, - это что я люблю тебя!

ДЖЕРРИ (долгая пауза): Я тоже люблю тебя, Гитель. (кладет трубку, некоторое время стоит неподвижно. Потом ставит телефон на пол и закуривает, жадно затягиваясь дымом. После второй затяжки, став на колени, запирает футляр пишущей машинки и, взяв ее в одну руку, а чемодан в другую, напоследок оглядывает комнату - не забыто ли что-нибудь)

Гитель тем временем не кладет трубку; нажав пальцем рычажок, она снова набирает номер, но при первом же гудке бросает трубку. Джерри, идя к двери, слышит единственный звонок. Он опускает вещи на пол и ждет, глядя на телефон. Гитель сидит на тахте, высоко подняв голову и закрыв глаза. Оба неподвижны. Потом Гитель снимает руку с трубки. Джерри поворачивается и выходит из комнаты.

Занавес.